

ИСТОРИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94(476)

В. А. БАРАН

Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна

Навуковы кіраўнік – А. А. Савіч, канд. гіст. навук, дацэнт

**МАСАВАЯ КАЛЕКТЫВІЗАЦЫЯ СЕЛЬСКОЙ ГАСПАДАРКІ
Ў ІВАЦЭВІЦКІМ РАЁНЕ (1949 – ЖНІВЕНЬ 1953 ГОДА)**

Пасля заканчэння Вялікай Айчыннай вайны першачарговай задачай савецкай улады стала праблема аднаўлення сельскай гаспадаркі ад наступстваў акупацыйнага рэжыму. Пытанне калектывізацыі заходнебеларускай вёскі, масавай вытворчай кааперацыі на падставе сацыялістычных прынцыпаў атрымала практычную рэалізацыю толькі ў 1949 г. У лютым 1949 г. XIX з’езд КП(б)Б паставіў перад партыйна-савецкімі органамі заходніх абласцей Беларусі задачу палепшыць працу па арганізацыйна-гаспадарчым умацаванні зноў створаных калгасаў і па прапагандзе сярод сялян беднякоў і сярднякоў пераваг калгаснага ладу. Гэта пастанова лічыцца ў гістарыяграфіі пачаткам масавай калектывізацыі.

Намаганні Савецкага ўрада і партыйных органаў паскорыць тэмпы калектывізацыі выліліся ў красавіку 1949 г. у рашэнні Бюро ЦК КП(б) “Аб стане калгаснага будаўніцтва ў Брэсцкай вобласці”. Адзначалася, што ў 51 калгасе, арганізаваным у першым квартале, не абагульнены коні, у 36 – сельскагаспадарчы інвентар, у 114 – не абмеркаваны нормы выпрацоўкі і расцэнкі работ, дапускаецца прамаруджванне з адводам грамадскіх зямель. У маі таго ж года пры абмеркаванні працы Пінскага абкама ўказвалася на яго слабую працу па калектывізацыі сялянскіх гаспадарак, адсутнасць сувязі з беспартыйным актывам. У канцы верасня 1949 г. адбыўся Пленум ЦК КП(б)Б, на якім было разгледжана пытанне “Аб стане і далейшых задачах калгаснага будаўніцтва ў заходніх абласцях БССР”. Другі сакратар ЦК партыі В. І. Закурдаеў канстатаваў, што ў шэрагу раёнаў Брэсцкай, Гродзенскай і Маладзечанскай абласцей аслаблены працэс стварэння калгасаў. Партыйным камітэтам і арганізацыям, выканкамам Саветаў дэпутатаў працоўных было прапанавана звярнуць увагу на ўсямернае разгортванне калектывізацыі бядняцка-сярэдняцкіх гаспадарак [1, с. 109–110].

Пасля вераснёўскага Пленума ЦК КП(б)Б 1949 г. назіраецца фарсіраванне тэмпаў калектывізацыі. Калі на 1 студзеня 1949 г. у Івацэвіцкім раёне было арганізавана 13 калгасаў, якія аб’ядноўвалі 672 сялянскія гаспадаркі, што складала 11 % ад усіх гаспадарак, то ў канцы 1949 г. было аб’яднана ў калгасы 40 % усіх сялянскіх гаспадарак [2, арк. 39].

Каб даць дадатковы імпульс працэсу калектывізацыі, у студзені 1950 г. была прынята пастанова ЦК КП(б)Б “Аб стварэнні палітадзелаў пры МТС у Баранавіцкай, Брэсцкай, Гродзенскай, Маладзечанскай, Пінскай, Полацкай (заходнія раёны) абласцях”. Для іх арганізацыі ў названыя рэгіёны накіравалі 579 камуністаў і камсамольцаў, з удзелам якіх ужо да кастрычніка 1951 г. былі створаны 123 палітадзелы. Перад імі ставіліся задачы па арганізацыйна-гаспадарчым умацаванні калгасаў, стварэнні ў сельскай мясцовасці першасных партыйных і камсамольскіх арганізацый, выхаванні вясковага актыву ў адпаведнасці з задачамі савецка-партыйнага будаўніцтва. Як вядома,

галоўнай мэтай названых мерапрыемстваў з’яўлялася правядзенне суцэльнай калектывізацыі [1, с. 119].

Работнікі палітаддзелаў сумесна з мясцовымі партыйна-савецкімі органамі разгарнулі актыўную работу па забеспячэнні масавай калектывізацыі сельскай гаспадаркі. Яны арганізавалі групавыя і індывідуальныя гутаркі з сялянамі-аднаасобнікамі, знаёмілі з рашэннямі партыі і ўрада, з пытаннямі міжнароднага становішча, з формамі і метадамі агітацыйнай працы па арганізацыйна-гаспадарчым умацаванні калгасаў, чыталі інструктыўныя даклады аб перавагах калгаснага ладу, аб Статуте сельгасарцелі. У выніку названай агітацыйна-прапагандысцкай работы сяляне-аднаасобнікі, наведваючы перадавыя калгасы, паступова далучаліся да калгаснага руху [3, с. 164].

Вялікую дапамогу пры правядзенні калектывізацыі мясцовым органам улады аказвалі культурна-асветніцкія ўстановы. Для правядзення штодзённай масава-прапагандысцкай работы сярод насельніцтва ў кожным сельскім савеце ствараліся агіткалектывы. Акрамя гутарак, дакладаў, шырока прымянялася калектывнае чытанне мастацкай літаратуры, якая адлюстроўвала калгаснае жыццё, выкарыстоўвалася і наглядная агітацыя ў выглядзе насценных газет, плакатаў, лозунгаў, заклікаў [4, арк. 4].

Паскарэнню суцэльнай калектывізацыі ў дзяржаве садзейнічаў пераход ад дзяржаўнай палітыкі абмежавання да палітыкі ліквідацыі кулацтва як класа. Пры гэтым на практыцы не абышлося без перагібаў: да дадзенай катэгорыі сельскага насельніцтва было аднесена шмат сярэдняцкіх гаспадарак. Так, у Івацэвіцкім раёне мясцовае кіраўніцтва вылучыла наступныя крытэрыі вызначэння кулацкіх гаспадарак: наяўнасць гарбарнай майстэрні ў перыяд знаходжання Івацэвіччыны ў складзе Польшчы, супрацоўніцтва з нямецка-фашысцкімі акупантамі, спекуляцыя ў гады акупацыі, выкарыстанне наёмнай рабочай сілы, атрыманне даходаў ад ветрака, сельска-гаспадарчых машын, конных малатарняў, саломарэзак, крупарушак і г. д. [5, арк. 68; 6, арк. 122–123].

У якасці прыкладу прынятых захадаў прывядзём рашэнне Івацэвіцкага райвыканкама ад 20 мая 1949 г.: “Рассмотрев заявление гражданина Можейко Демьяна Михайловича, жителя д. Скураты, Ольшаницкого сельского совета, о неправильном исключении его из колхоза «30 лет Комсомола», отмечает, что хозяйство гражданина Можейко Д.М. в 1947 г. было утверждено в список кулацких хозяйств на основании того, что гражданин Можейко Д.М. при панской Польше построил кожевенную мастерскую по выработке кож, которая давала в среднем годовой доход до 20 тыс. злотых. Эта мастерская продолжала свою работу до 1948 г., где работали длительное время постоянными работниками жители д. Скураты Можейко Артем Лукьянович, Фалец Андрей Алексеевич, Можейко Михаил и другие” [5, арк. 68]. Іншы прыклад вядомы з рашэння Целяханскага райвыканкама “Аб разглядзе скаргі грамадзяніна Бінкевіча Мікалая Даменікавіча па пытанні няправільнага аднясення яго гаспадаркі да ліку кулацкіх” ад 20 чэрвеня 1949 г.: “в результате труда крестьян-бедняков и получая нетрудовые доходы от молотилки и соломорезки хозяйство гражданина Бинкевича на протяжении ряда лет обогащалось, а во время оккупации, пользуясь положением сына Александра, который являлся организатором немецкой полиции, эти доходы увеличились” [7, арк. 154].

Палітыка ліквідацыі кулацтва як класа суправаджалася ўзмацненнем жорсткасці падатковай палітыкі дзяржавы. У 1950 г. норма сельскагаспадарчага падатку з аднаасобнікаў вырасла ў два разы. Праз такія адміністрацыйныя меры многія сялянскія гаспадаркі траплялі ў крайне нядобрачылівыя гаспадарчыя ўмовы. Адзінае выйсце

сяляне бачылі ва ўступленні ў калгас, тым больш што пры гэтым нядоімкі па сельска-гаспадарчым падатку спісваліся паводле прынятага ў 1950 г. рашэння Івацэвіцкага райвыканкама “Аб спісанні нядоімак мінулых гадоў з гаспадарак калгаснікаў і калгасаў згодна з пастановай Савета Міністраў і ЦК КП(б)Б” [1, с. 123–124; 8, арк. 59].

Пад адміністрацыйны ціск і раскулачванне трапілі многія сем’і. Напрыклад, у 1951 г. у Івацэвіцкім раёне кулакамі былі прызнаны: П. А. Міцкевіч (в. Бусяж), А. І. Дземідовіч (в. Бусяж), К. В. Бялевіч (в. Рацькавічы), М. І. Мажэйка (в. Скураты), М. І. Барысевіч (в. Жамайдзякі), І. А. Карніеўскі (г. Косава), Б. М. Турчын (Альбінскі сельсавет). Загадчыку раённага фінансавага аддзела і старшыням сельскіх саветаў прадпісвалася “ўзмацніць працу па выяўленні і падаткаабкладанні кулацкіх гаспадарак” [9, с. 156].

Пленум ЦК КП(б)Б, які адбыўся 12–14 лютага 1951 г., заслухаў даклад першага сакратара ЦК КП(б)Б М. С. Патолічава “Аб задачах Камуністычнай партыі (бальшавікоў) Беларусі па арганізацыйна-гаспадарчым умацаванні калгасаў і далейшым уздыме сельскай гаспадаркі рэспублікі”. У ім была пастаўлена задача завяршыць калектывізацыю, палітычна і арганізацыйна-гаспадарча ўмацаваць калгасы. Завяршэнне калектывізацыі неабходна было ажыццявіць на працягу 2–3 месяцаў, каб вяснову сярэбру правесці пры поўнай калектывізацыі сялянскіх гаспадарак [3, с. 239].

Тэмпы росту калектывізацыі гаспадарак былі вельмі высокія. Уяўленне аб масавай калектывізацыі ў 1951 г. можна атрымаць на падставе звестак па трох раёнах, у склад якіх у той час уваходзілі населеныя пункты сучаснага Івацэвіцкага раёна. Разгледзім, напрыклад, Целяханскі раён (табліца).

Табліца – Звесткі аб ходзе калектывізацыі ў Целяханскім раёне на 10 сакавіка 1951 г. [10, арк. 119]

№ п/п	Сельскі савет	Назва вёскі	Колькасць двароў	Колькасць гаспадарак	%
1	Выганашчанскі	Бабровічы	57	57	100
2	Святавольскі	Святая Воля, Вялікая Гаць, Доўгая	631	605	96
3	Целяханскі	Глінішча, Краглевічы	306	270	88
	Выганашчанскі	Выганашчы	307	303	98
5	Коланскі	Амяльная	399	399	100
6	Коланскі	Клятная	137	137	100
7	Рэчкаўскі	Гутка	233	228	98
8	Козіцкі	Козікі	85	85	100
9	Выганашчанскі	Вулька-Целяханская	172	155	90
10	Гортальскі	Горталь	178	178	100
11	Рэчкаўскі	Рэчкі	323	323	100
12	Аброўскі	Аброва	321	314	98
13	Козіцкі	Вулька-Аброўская	167	158	95
14	Целяханскі	Соміна	127	127	100
Усяго			3688	3584	97

Даныя сведчаць, што на 10 сакавіка 1951 г. у Целяханскім раёне налічвалася 15 калгасаў з ахопам 3688 сялянскіх двароў, працэнт калектывізацыі – 97 %.

Трэба адзначыць, што калектывізацыя на Быценшчыне праводзілася марудней у адрозненне ад іншых раёнаў вобласці. Як вядома з крыніц, працэнт калектывізацыі

ў 1950 г. па гаспадарках складаў 57 %, а па зямельнай плошчы 71 %. За перыяд з 1950-га па 1952 г. колькасць абагуленых гаспадарак павялічылася на 22,3 %, зямельнай плошчы на 26,4 %. Сярэдні працэнт калектывізацыі па Баранавіцкай вобласці ў 1952 г. быў вышэйшы, па гаспадарках складаў 92,7 %, а па зямельнай плошчы – 98,9 % [11, арк. 18].

Тэмпы росту калектывных гаспадарак у Івацэвіцкім раёне ў 1949–1952 гг. былі вельмі высокімі. Так, паводле крыніц, на 1 верасня 1951 г. у раёне было 17 калгасаў, працэнт калектывізацыі – 95,5 %.

XX з’езд КП(б)Б, які адбыўся ў верасні 1952 г., канстатаваў завяршэнне калектывізацыі ў заходніх абласцях Беларусі і ахарактарызаваў яго як сур’ёзную палітычную перамогу, найважнейшы вынік дзейнасці партыйных арганізацый у вёсцы [1, с. 125–126].

Масавая калектывізацыя на тэрыторыі сучаснага Івацэвіцкага раёна ў 1949 – пачатку 1950-х гг. была адным з ключавых этапаў сацыяльна-эканамічных пераўтварэнняў, якія праводзіліся мясцовымі органамі савецкай улады ў пасляваенны перыяд. Дзяржава прымяняла самыя розныя метады, каб прымусіць сялян уступаць у калгасы. Галоўнымі з іх былі адміністрацыйны, прапагандысцкі і падатковы ціск на сялян. Пераважная большасць сялян вымушана была далучыцца да калгасаў, аднак разам з гэтым назіраліся выпадкі супраціўлення мерапрыемствам калектывізацыі. Ажыццяўляўся пераход ад палітыкі абмежавання і выцяснення кулацтва да палітыкі ліквідацыі яго як класа. У ходзе масавай калектывізацыі адбыліся змены ў сацыяльнай структуры вёскі: катэгорыя калгаснікаў склала 95,5 %, а сяляне-аднаасобнікі – 5 %. Пераход аднаасобнікаў у новую сацыяльную групу не зрабіў іх шчырымі прыхільнікамі сацыялістычнага ладу. Яны вельмі павольна звыкаліся з такой сацыяльнай метамарфозай, што адбівалася на іх стаўленні да сваіх працоўных абавязкаў. У цэлым недэмакратычная калектывізацыя і яе вынікі аказалі негатыўны ўплыў на калгасную вытворчасць, не спрыялі развіццю сельскагаспадарчай вытворчасці.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Белозорович, В. А. Западнобелорусская деревня в 1939–1953 годах : монография / В. А. Белозорович. – Гродно : ГрГУ, 2004. – 148 с.
2. Занальны дзяржаўны архіў у г. Баранавічы (далей – ЗДАБ). – Ф. 1121. Воп. 1. Спр. 22.
3. “Ты з Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі...”. Верасень 1939 г. – 1956 г.: дакументы і матэрыялы : у 2 кн. / склад.: У. І. Адамуска [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2009. – Кн. 2 : Ліпень 1944 г. – 1956 г. – 301 с.
4. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці. – Ф. 1-п. Воп. 10. Спр. 23.
5. ЗДАБ. – Ф. 1121. Воп. 1. Спр. 25.
6. ЗДАБ. – Ф. 1270. Воп. 1. Спр. 37.
7. ЗДАБ. – Ф. 1270. Воп. 1. Спр. 26.
8. ЗДАБ. – Ф. 1121. Воп. 1. Спр. 34.
9. Гарады і раёны Берасцейшчыны: гісторыя і сучаснасць. Івацэвіцкі раён / У. В. Здановіч [і інш.]; пад аг. рэд. А. А. Гарбацкага. – Брэст : Брэсц. друк., 2009. – 564 с.
10. ЗДАБ. – Ф. 1270. Воп. 1. Спр. 4.
11. ЗДАБ. – Ф. 577. Воп. 1. Спр. 105.

УДК 94:331.104:349.2(4)«13/14»

В. Д. ВЕРБИЦКАЯ

Гомель, ГГУ имени Ф. Скорины

Научный руководитель – В. В. Цацарин, старший преподаватель

ВНУТРЕННИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЦЕХАХ, ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ИХ ЧЛЕНОВ

В XVII в. цехи представляли собой объединение ремесленников одной или схожих профессий. Они создавались с целью защиты от феодального гнета, магнатов и конкуренции с сельскими ремесленниками, которые уходили в города подальше от крепостной зависимости.

Цехи включали в себя до 40 ремесленников (количество членов цеха прописывалось в уставе цеха). Иерархия была следующая: цехмистр – мастер – подмастерье – ученик. Цехмистры, мастера и подмастерья также делились на старших и младших.

Цехмистр – это представитель цеха и его глава. Его избирали во время собрания мастеров. Учитывали при выборе личные качества, возраст, уровень мастерства и заслуги мастера. Чаще всего цехмистром был небедный ремесленник со своей землей и неплохими денежными накоплениями. Выборы цехмистра проводились чаще всего при юридическом закреплении цеха магистратом. В документах можно найти много таких случаев. Например, в сентябре 1580 г. в магистрат Могилева после общего собрания пришло 15 хлебопек, круподеров, орешников и 23 калачника, чтобы закрепить право становления цехмистром Андроса Авхимовича [1, с. 41]. Цехмистр проверял продукцию, следил за процессом, за соблюдением устава, судил провинившихся, хранил цеховую казну и ее сбережения. В помощь ему избирались из таких же мастеров младшие цехмистры, которые выполняли его поручения. Судя по материалам и существованию некоторых пунктов уставов, это была не самая любимая должность среди мастеров, ибо от этой должности можно было откупиться. Похоже, не каждому хочется быть на побегушках у цехмистра и выполнять еще больше работы, хотя, возможно, были какие-то послабления. Однако произвол был и со стороны цехмистров: могилевские кожевники в 1637 г. жаловались магистрату на произвол их цехмистра Максима Маслока, который «выправил» у короля привилегию, по которой все ремесленники «с жонами и детьми» становились «его вечными невольниками» [2, с. 66]. Он же бил их, незаконно штрафовал и сажал в тюрьму, опираясь на цеховую верхушку. И подобных случаев было немало зафиксировано в актах.

Количество мастеров было ограничено, так как цеховая верхушка стремилась держать малое количество полноправных членов цеха. Пребывание в положении подмастерья несколько лет не давало никакой гарантии на становление мастером, поэтому подмастерья продолжали обучение в других местах, чтобы повысить свои навыки. Под опекой мастера находились подмастерья и ученики. Чтобы попасть в цех, необходимо было отучиться от 3 до 6 лет, заплатить взнос, сдать экзамен, смастерив «штуку». Попыток было около 2–3, так что не сдать один раз не предвещало конца карьеры. Однако в этих правилах были и исключения для родственников и будущих членов семьи, например частичная или полная неуплата взноса, необязательность экзамена. Но обязательным было по поступлении устроить вечерю [3, с. 124].

Ученики и подмастерья жили не такой уж приятной жизнью: их эксплуатировали мастера, наказывали, штрафовали и т. п. А подмастерье ведь должен был работать

у мастера определенный срок, прописанный в договоре. Произвол мог дойти до того, что жертвы не могли долго оставаться под опекой такого человека и сбегали. В некоторых случаях жаловались вышестоящим или магистрату. Стоит также заметить, что подмастерье мог уйти от мастера, заранее предупредив его. Однако, если работник ушел без предупреждения, магистрат мог по всем законам лишить этого перебежчика зарплаты и даже наказать. Например, в 1771 г. по делу челядника полоцкого цеха кожевников Алексея Машко за уход к другому мастеру магистратский суд назначил штраф в 10 талеров всем, кто возьмет его на работу, и изгнал его из цеха «как мятежного, лентяя, соблазнителя», чтобы «положить конец своеволию челяди...» [2, с. 53]. В случае смерти мастера работник дорабатывал оставшийся срок у его наследника. Однако ученики и подмастерья понимали, что нужно было держаться вместе, вследствие чего появлялись их собственные объединения с целью защиты и взаимопомощи. Такое встречалось в крупных цехах, но под строгим надзором цеховой верхушки.

Стоит заметить, что женщины – члены цехов были очень редким явлением. Чаще всего они работали в цехах ткачей, хлебопеков или швей, но сведения очень скудные. Встречаются записи о женщинах в цехах в Полоцке и Могилеве, иногда в других городах, но это, скорее, документы с коротким упоминанием о них. Больше известно о женщинах, которые наследуют предприятие после смерти мужа или отца. В случае если женщина стала вдовой, она имела право управлять предприятием, пока ее дети не достигнут определенного возраста, чтобы принять наследство почившего отца. В завещании слущкого мастера-кожевника М. Копыленицы, составленном в 1680 г., говорилось, что жена в случае его смерти «...имея челядь, вольна будет и кожевенное и хозяйство... вести... пожизненно» [4, с. 113]. Дочери также могли быть владелицами цеха, если у их отца не родился наследник, но только до замужества. После этого дело наследует ее муж или ее сын.

У каждого цеха были свои печать, знамя, барабан, устав и алтарь. Печать, знамя, устав и различные документы хранились в специальном ящике, который находился либо у цехмистра, либо у магистрата. Этот ящик был чем-то сакральным для цеха: начало собрания происходило с открытия ящика, нельзя было даже опоздать под угрозой штрафа. Алтарь находился в церкви, в которую ремесленники цеха вносили определенные пошлины, выполняли определенные заказы.

Знамя каждого цеха имело изображение, связанное с его деятельностью. Это могли быть средства производства: топорик – у мясников, ножницы и утюг – у портных [2, с. 44].

Также магистрат обязывал цех иметь в своем распоряжении определенное количество оружия, чтобы в случае вражеского нападения ремесленники были готовы принять бой. В 1640 г. магистрат обязал полоцкий цех сапожников иметь при себе 24 мушкета [2, с. 44].

Устав представлял собой документ, который контролировал многое – от количества и процесса продукции, взносов и правил приема до места и времени сна, приемов пищи. Устав предусматривал:

- 1) обязанность защищать наравне со всеми свой город в случае опасности;
- 2) службу на посту охраны;
- 3) размеры зарплат, взносов в общую цеховую казну;
- 4) участие в ремонте города;
- 5) службу в церкви;
- б) участие в похоронах членов цеха и помощь их семьям.

Устав контролировал жизнь как внутри цеха, так и вне. Он воспрещал общение вне цеха мастера и его подчиненных с целью сохранения верховенства в цеховой

иерархии. Подмастерья и ученики вообще не имели пунктов в уставе, которые могли их защитить или сделать их жизнь в цехе легче. По уставу, в случае оскорбления мастера или его жены его подчиненным мастер имел право привести его на суд, где потом собирались все члены цеха и должны были по три раза провинившегося «хорошо потянуть нагайкой» [2, с. 47]. В других цехах за такое мог быть штраф на приличную сумму (100 коп). Но стоит заметить, что наказание осуществлялось только с ведома владельца юридике, где находился цех. В 1627 г. князь Крыштоф Радзивилл запретил войту и цеховой верхушке наказывать юридичан, проживавших в юридике Троицкого монастыря, без ведома их архимандрита [4, с. 99]. Если ученик или подмастерье ударил мастера, могли отрубить ему руку. Устав также запрещал наносить ущерб друг другу и оскорблять друг друга мастерам. Также мастерам запрещалось переманивать подчиненных другого мастера.

В уставах прописывались пункты по нужным качествам их новых членов, например их социальное положение, семья, возраст, конфессия и т. п. У седельщиков и цирюльников запрещалось принимать к себе крепостных, незаконнорожденных, ариан, детей банщика, мельника [2, с. 45]. Уставы запрещали приносить на собрания оружие, сидеть в шапках. Также запрещалось приходить в состоянии алкогольного опьянения, босиком и плохо одетым.

Таким образом, можем заметить, что в цехах была своя иерархия, которой очень строго придерживались. Устав контролировал буквально всю жизнь каждого члена цеха и саму иерархию. Уставы у каждого цеха были разными – в некоторых с более мягкими правилами, в других – со строжайшими правилами, однако мастера вместе с цехмистрами легко могли добавлять пункты, ослабляя прошлые, или просто менять их. Это хорошо прослеживается в актах, где указывается фальсификация документов цехмистрами. И это было еще одной проблемой в дополнение к остальным, касающимся махинаций магнатов, которые не раз и не два превышали свои полномочия, меняя плату за изделия цехов на смехотворно малую или требуя в краткие сроки выполнить большой заказ. Уставы касались не только мастеров, но и их семей, торговцев и т. п. Сами же ремесленники были включены не только в жизнь цеха, но и в жизнь церкви, политики и города (защита города, выполнение работ по его же благоустройству, помощь церкви и служба в ней). Ученики и подмастерья, в отличие от своих мастеров, были практически бесправными, как подчеркивается в историографии, чуть ли не крепостными, которых могли наказать за что угодно, что иронично, ведь конкуренция с ремесленниками из сельской местности была вызвана бегством от крепостной зависимости, цехи появились с целью защиты от этой же конкуренции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Мелешко, В. И. Могилев в XVI – середине XVII в. / В. И. Мелешко. – Минск : Наука и техника, 1988. – 264 с.
2. Игнатенко, А. П. Ремесленное производство в городах Белоруссии в XVII–XVIII вв. / А. П. Игнатенко. – Минск : Изд-во М-ва высш., сред.-спец. и проф. образования БССР, 1963. – 87 с.
3. Бандарчык, В. К. Беларусы. Т. 4. Вытокі і этнічнае развіццё / рэдкал.: В. К. Бандарчык [і інш.] ; Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. – Мінск : Беларус. навука, 2001. – 433 с.
4. Грицкевич, А. П. Частновладельческие города Белоруссии в XV–XVIII вв. / А. П. Грицкевич. – Минск : Наука и техника, 1975. – 248 с.

5. УДК 94(476)''1924/2024''

К. Е. ГАВРИЛЕНКО

Минск, РИВШ

Научный руководитель – А. В. Мартынюк, д-р ист. наук, профессор

**КОЛОКОЛ КИРХИ СВ. ТРОИЦЫ ЛЮТЕРАНСКОЙ ОБЩИНЫ
НЕЙДОРФ-НЕЙБРОВ**

Более трех веков на территории современного Брестского района Республики Беларусь и приграничных с ним землях Польши и Украины (в долине р. Западный Буг) проживала многотысячная общность колонистов бужских голендров. В настоящее время их культурное наследие под воздействием естественно-природных и антропогенных факторов постепенно исчезает, однако до настоящего времени сохранилось следы пребывания голендров на территории Беларуси (подробнее см. в отдельной публикации [1]). Одним из примеров историко-культурного наследия голендров является колокол Нейдорф-Нейбровской кирхи Св. Троицы.

Цель работы – дать характеристику колоколу кирхи как примеру материального культурного наследия голендров на территории Беларуси. В качестве источников исследования были использованы архивные материалы [2–4], опубликованные источники об истории лютеранского прихода Нейдорф-Нейбров [5], копия выписки из журнала отпуска колокола с производства (речь о которой пойдет ниже), а также результаты обследования колокола в октябре 2023 г.

Появление первых поселений – «материнских» колоний Нейдорф и Нейбров (на территории современного Домачевского сельского совета Брестского района) датируется второй половиной XVI – началом XVII в. Бужские колонисты были не единственными голендрами. Существовали сотни колоний и поселений в Речи Посполитой, однако самыми восточными и единственными на территории современной Беларуси являлись Нейдорф, Нейбров и их «дочерние» поселения. Основным критерием выделения голендров в отдельную социальную группу являлось распространение на них действия «голландского права». Данное право предоставляло им возможность пожизненной аренды на землю, самоуправление для общин и свободу вероисповедания. Бужские голендры были поликонфессиональной общностью, но абсолютное большинство из них (примерно 2/3 от общей численности) являлись лютеранами. Отметим, что первоначально все поселенцы являлись приверженцами учения Мартина Лютера. Изменения в конфессиональном составе населения колоний произошли во второй половине XVIII в. [2, л. 1–5].

Основывая свои колонии, бужские голендры получили от землевладельца графа Рафаила Лещинского привилей, дарующий им право на строительство кирхи. Строительный материал для возведения храма был бесплатно предоставлен графом [3, с. 50–50 об.]

На протяжении своей многовековой истории здание кирхи неоднократно уничтожалось и возводилось вновь. Неотъемлемым элементом культового здания являлась колокольня с колоколом. Первые сведения о том, что у Нейдорф-Нейбровской кирхи имеется колокол, относятся к 1657 г. Во время Русско-польской войны 1654–1667 гг. и Шведского потопа 1655–1660 гг. кирха была разрушена, а ее колокол украден [5].

Кирха была восстановлена, однако из-за несчастного случая сгорела в первой половине XVIII в.

Новое здание кирхи было возведено в 1778 г. и освящено в честь Св. Троицы 15 ноября того же года [5]. К сожалению, невозможно сказать, был ли у кирхи свой колокол в период с конца XVIII в. по начало XX в. На данный момент не найдено соответствующих источников, указывающих на это. Используя фотографию начала XX в. (фото 1), можно сделать предположение, что в западной части храма над входом располагалась колокольня.

Фото 1 – Нейдорф-Нейбровская кирха Св. Троицы в начале XX в.
(фотография с сайта г. п. Домачево)

Колокол, который сохранился до наших дней, появился у лютеран колоний Нейдорф и Нейбров в 1924 г. В этот период времени лютеранский приход являлся частью Варшавской консистории и объединял 4112 верующих (по данным 1926 г.) из Полеского и Волынского воеводств Польши [2, л. 3]. Пастором кирхи являлся Ян Пиндор (1918–1924 гг.) [6, с. 59–60], который и сделал заказ на отливку колокола на заводе Bochumer Verein für Bergbau und Gußstahlfabrikation (BVG) в г. Бохум (Германия). Данное производство возникло еще в 1854 г. и специализировалось на производстве чугунных изделий, в том числе и колоколов. Производство отлило огромное количество колоколов, самым знаменитым из которых можно считать тот, который являлся символом летних Олимпийских игр в Берлине в 1936 г. [7]. В наши дни сохранились сотни бохумских колоколов в разных странах. На основе имеющихся сведений можно сделать предположение, что колокол Нейдорф-Нейбровской кирхи – единственный пример на территории Беларуси.

В фондах крупнейшего архива материалов по экономической истории ФРГ Historisches Archiv Krupp [8] сохранились журналы отпуска покупателям произведенных колоколов на производстве в Бохуме. В рамках исследования использовалась копия страницы (с. 297) одного из журналов из фондов архива, которая в настоящее время находится в библиотеке православной церкви Св. Луки в г. п. Домачево. К сожалению, установить номер фонда архива, описи и дела не удалось. По словам настоятеля храма отца Дмитрия Каратая, копия документа была передана в храм потомками бужских голендров в 2017 г. Копия документа представляет собой отрывок из журнала за 1924 г. Всего на странице имеются записи о семи колоколах, отпущенных покупателям в период с 25 марта по 7 апреля 1924 г. Запись под регистрационным № 1183 относится к колоколу кирхи Св. Троицы. На странице журнала имеется 10 колонок (таблица).

Таблица – Информация о колоколе из копии страницы журнала

Регистрационный номер и дата	1183, 26.03.1924
Заказчик	Евангелическая община Нейдорф. Почтовый адрес: Домачево, Брест-Литовский повет, Польша
Номер изготовления	323
Шаблон	V.V.G.
Тон исполнения при ударе	d [до] ¹ 580 [Гц]
Тон исполнения при затихании	f [фа] 684 [Гц]
Предписываемый диаметр	798 мм, 30,5 [дюймов]
Диаметр изделия	798 мм
Вес колокола	Нет записи
Вес языка колокола	Нет записи

Данный колокол использовался лютеранским приходом до начала Второй мировой войны. В 1939–1941 гг. колонисты-лютеране были переселены на территорию Третьего рейха. Оставшееся здание кирхи было передано под нужды пограничных войск, в нем была расположена комендатура. В первый день Великой Отечественной войны в кирху попала авиационная бомба, которая ее полностью разрушила. Среди обломков кирхи были найдены уцелевшие люстры и колокол, которые были перенесены в православную церковь евангелиста и апостола Св. Луки в г. п. Домачево. Начиная с 1941 г. и по настоящее время колокол располагается на колокольне православного храма. На сайте «История колоний Нейдорф-Нейбров на Буге» есть информация, что в 1985 г. на месте бывшей кирхи во время сельскохозяйственных работ был найден еще один колокол. К сожалению, его местонахождение неизвестно [9].

В октябре 2023 г. был проведен осмотр сохранившегося колокола на колокольне православной церкви Св. Луки в г. п. Домачево (фото 2).

Фото 2 – Лютеранский колокол на колокольне церкви Св. Луки в г. п. Домачево (октябрь 2023, фото автора)

Диаметр колокола соответствует тому, что указан в документе из фондов Historisches Archiv Krupp, – 79 см 8 мм. Как и другие немецкие колокола, он состоит из короны, верхней пластины, шеи, фланга, вольма, удара, резкости и языка. При осмотре колокола было установлено, что его верхняя часть (корона) имеет особый

элемент, который, по-видимому, был необходим для его раскачивания. Это характерно для европейской традиции, когда раскачивают колокол, а его язык остается неподвижным. На языке изучаемого колокола нет никаких креплений для веревки звонаря. Лютеранский колокол был «приспособлен» под православную традицию: язык колокола намеренно делают подвижным, раскачивая при помощи привязанной к нему веревки.

Колокол под воздействием кислорода и влаги поржавел. На шее колокола имеется надпись на немецком языке: GEG. V. BOCHUMER VEREIN I. BOCHUM 1924. Данная надпись является клеймом производства в Бохуме. Изучаемый колокол не имеет иных надписей и элементов декора, которые присутствуют на других сохранившихся изделиях производства [8].

Колокол, как составная часть православной церкви Св. Луки, включен в список историко-культурного наследия. Однако на основе приведенных сведений целесообразным было бы провести включение колокола в реестр как отдельного памятника наследия Беларуси. Колокол вместе с другими примерами материального культурного наследия является важной составляющей формирования и сохранения памяти о бужских голендрах. В 2024 г. колокол отмечает свой юбилей – 100 лет, за которые он проделал длинный путь из немецкого Бохума в колонии бужских голендров, был установлен на колокольне кирхи, уцелел во время авиабомбардировки, стал использоваться в православном храме и сохранился до наших дней.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гавриленко, К. Е. Материальное культурное наследие бужских голендров в Беларуси: проблемы выявления и сохранения / К. Е. Гавриленко // Охрана и популяризация культурного наследия: мировой и отечественный опыт : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Году мира и созидания, Витебск, 26–27 окт. 2023 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А. Н. Дулов (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2023. – С. 49–53.
2. Государственный архив Брестской области. – Ф. 1. Оп. 2. Д. 2306.
3. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (далее – НИАБ в Гродно). – Ф. 1. Оп. 4. Д. 269.
4. НИАБ в Гродно. – Ф. 239. Оп. 1. Д. 482.
5. Хроника Евангелическо-лютеранской общины в Нейдорфь [Электронный ресурс] // История колоний Нейдорфь-Нейбровь на Бугь. – Режим доступа: <https://clck.ru/39rDeK>. – Дата доступа: 02.04.2024.
6. Bütow, E. Bug – Holländer – Holendry – Olendry – Golendry / E. Bütow. – Schwerin : Bütow, 2016. – 372 s.
7. Bochumer Verein [Electronic resource] // Wikiwand. – Mode of access: <https://clck.ru/39rDfC>. – Date of access: 02.04.2024.
8. Historisches Archiv Krupp [Electronic resource] // Villa Hügel. – Mode of access: <https://clck.ru/39rDda>. – Date of access: 02.04.2024.
9. Современный Нейдорф-Нейбров [Электронный ресурс] // История колоний Нейдорф-Нейбров на Буге. – Режим доступа: <https://clck.ru/39rDcr>. – Дата доступа: 02.04.2024.

УДК 94(476)“1943”

П. А. ГАЎРЫЛЮК

Брэст, БрДУ імя А. С. Пушкіна

Навуковы кіраўнік – Я. С. Разэнблат, канд. гіст. навук, дацэнт

ГАРАДСКОЕ КІРАВАННЕ АКУПАВАНАГА БРЭСТА Ў 1943 ГОДЗЕ

З указам Гітлера ад 17 ліпеня 1941 г. на акупаваных нямецкімі войскамі савецкіх тэрыторыях уводзілася грамадзянскае кіраванне замест ваенных органаў. Згодна з новым адміністрацыйна-тэрытарыяльным падзелам ад 1 верасня 1941 г. г. Брэст (падчас акупацыі называўся Брэст-Літоўск) увайшоў у склад генеральнай акругі “Валынь-Падолля” рэйхскамісарыята “Украіна” [1].

Магістрат быў створаны 26 ліпеня 1941 г., фарміраваўся з “добранадзейных” жыхароў Брэста і непасрэдна падпарадкоўваўся акружнаму камісару і рэйхскамісару. Акрамя таго, дзейнічала гарадская камендатура, якая з’яўлялася нямецкім органам улады (ёй падпарадкоўвалася паліцыя, і яна загадвала турмой) [2, арк. 4]. Бургамістр, ці гарадскі галава, таксама назначаўся камісарам Брэсцкай акругі. Першыя два гады акупацыі бургамістрам горада быў паляк Маўрыцый фон Опельн-Бранікоўскі. З данясення айнзацкаманды вядома, што магістрат быў створаны з “правераных прадстаўнікоў польскай інтэлігенцыі”, але кіраўнік айнзацкаманды прапаноўваў арганізаваць магістрат з надзейных беларусаў [3, с. 479]. Дадзены перыяд характарызуецца панаваннем менавіта палякаў у магістраце. «Былі органы управления. В основном из местных поляков, так как они были грамотнее» [4], – так, на думку аднаго са сведкаў акупацыйнага рэжыму ў Брэсце, немцамі выбіраліся члены магістрата. Усяго працавала 12 аддзелаў, якія падзяляліся на пададдзелы [5, с. 25].

Пачынаючы з 12 лютага 1943 г. пасада бургамістра г. Брэста перайшла да ўкраінца Фёдара Малюты [5, с. 32]. «Установлены были органы управления: городское – магистрат, сельские – гмины. Голова Брестской администрации Малюта, он же организовал гмину в Матыкалах, а в Лышицах полицейский участок», – успамінае яшчэ адзін з тагачасных жыхароў Брэста. Але неабходна суаднесці дадзенае выказванне з іншымі крыніцамі: архіўныя дакументы кажуць, што Малюта не арганізоўваў гміну ў Матыкалах, а быў прызначаны шэфам Матыкальскага раёна ў 1941 г., дзе і працаваў да прызначэння на пасаду бургамістра [5, с. 32; 6].

На дадзеным этапе можна назіраць спробу ўкраінізацыі насельніцтва з боку гарадскіх улад. Увогуле пра пачатак украінізацыі можна казаць яшчэ раней: сам факт таго, што немцы аднеслі беларускае Палессе да Украіны, гаворыць пра адпаведную спецыфіку кіравання дадзенымі тэрыторыямі. 1 студзеня 1943 г. камісар горада выдаў распараджэнне аб абавязковым ужыванні ўкраінскай мовы, у сувязі з чым былі арганізаваны курсы ўкраінскай мовы для працаўнікоў розных устаноў гарадскога кіравання, так як дадзеная мова не была шырока распаўсюджана сярод гарадскога насельніцтва [5, с. 31]. На прыкладзе арганізацыі адукацыйных устаноў, адкрытых у г. Брэсце падчас акупацыі, можна заўважыць яўнае схіленне ўлад да ўкраінскага насельніцтва: згодна са статыстычнымі дадзенымі на 4 верасня 1943 г., большасцю насельніцтва Брэста былі палякі (17 133 чалавекі, 3659 з якіх – дзеці), ім было адведзена шэсць школ, рускім і ўкраінцам – па тры, а беларусам – адна, нягледзячы на тое што колькасць беларусаў (5287 чалавек) была значна большая, чым украінцаў (1556) і рускіх (2494; хаця 6044 чалавекі назваліся савецкімі грамадзянамі, іх цалкам верагодна маглі

аднесці да рускіх) [5, с. 44, 175]. Акрамя таго, для ўкраінскага насельніцтва былі адкрыты дзве прыватныя рамесныя школы, трохкласная сярэдняя школа (з’явілася ў 1943 г.), сярэдняя тэхнічная школа з пяццю аддзелаў (з 1 снежня 1942 г. стала дзяржаўнай) [7, с. 35].

Адным з першых указаў новага бургамістра, які падпісваўся як гарадскі галава, было распараджэнне да кіраўнікоў аддзелаў магістрата аб выкананні працоўнага парадку работнікамі ўстаноў – выконваць абавязкі энергічна і сумленна, не ўмешвацца ў “палітычныя дэтанцыі” і супрацьстаяць варожай агітацыі [5, с. 32]. Акрамя таго, былі праведзены агляд і праверка дакументацыі і дзейнасці супрацоўнікаў магістрата, што і было зафіксавана ў справаздачы акружнаму камісару за 20 сакавіка 1943 г. Малютам апісаны стан некаторых аддзелаў (незадаволенасць арганізацыяй тэхнічнага аддзела, нелегальны продаж новых матэрыялаў на складзе будаўнічых матэрыялаў, безгаспадарчасць транспартнага парка), унесена прапанова зрабіць уборку горада больш эфектыўнай, спыніць знос дамоў былога гета (ліквідацыя гета адбывалася з 15 па 18 кастрычніка 1942 г. [5, с. 6]) з-за недахопу жылля для жыхароў. Адзначаецца, што пачала працаваць сталярная майстэрня, плануецца будаўніцтва гарадской кавальскай і механічнай майстэрняў, стварэнне пунктаў збору костак, таксама паведамляецца пра рэарганізацыю сістэмы выдачы харчовых картак (па спісах колькасці жыхароў, якія праходзяць праз харчовы аддзел), падрыхтоўку матэрыялаў для водазабеспячэння квартала фольксдойчэ, працу ветэрынарнага аддзела і будаўніцтва памяшкання для гарадскіх майстэрняў. Паведамляецца, што аддзел рэгістрацыі за месяц прыняў 2875 заявак на прапіску і выпіску і падрыхтаваў спіс насельніцтва горада для біржы працы [5, с. 33].

Адзін з загадаў гарадскога галавы начальнікам аддзелаў тычыўся ўзмацнення працоўнай дысцыпліны і эканомнага выкарыстання паперы, таму што было заўважана, што ў некаторых аддзелах супрацоўнікі замест працы чытаюць кніжкі і “забаўляюцца пстрыканнем семак” [5, с. 35].

3 мая 1943 г. аддзелаў рэгістрацыі пачалася рэгістрацыя насельніцтва шляхам падачы заяў з неабходнымі дакументамі. Дазвол на рэгістрацыю тых, хто прыбыў у горад на працу і вучобу, даваў сам бургамістр, а тыя, хто хацеў пакінуць горад, павінны былі звяртацца да акружнага аддзела працы [5, с. 37].

1 ліпеня 1943 г. была рэарганізавана структура Брэсцкага гарадскога кіравання. Яно дзялілася не на аддзелы, як гэта было ў першыя два гады дзейнасці магістрата, а на секцыі з падсекцыямі (ці рэфератамі), кожная з якіх мела нумар у выглядзе рымскай лічбы [5, с. 38–40]:

I. Адміністрацыйная і рэгістрацыйная.

II. Адукацыі і культуры (яна загадвала школамі, гарадской бібліятэкай, тэатрам, кінатэатрамі і архівам).

III. Аховы здароўя (у яе ўваходзілі гарадская бальніца, гарадская скурна-венералагічная бальніца, гарадская амбулаторыя, зубная клініка, хуткая дапамога, чатыры аптэкі, дэзынфекцыйны пункт, гарадская лазня, лабараторыя па праверцы якасці прадуктаў харчавання і гарадская пральня).

IV. Ветэрынарная (ветэрынарная клініка).

V. (Не выяўлена).

VI. Юрыдычная (украінскі натарыус).

VII. Фінансавая (падаткавае кіраўніцтва).

VIII. Харчовага забеспячэння (сельскай гаспадаркі).

IX. (Не выяўлена).

X. Гаспадарчых і абслуговых прадпрыемстваў (ведала справамі водна-каналізацыйнай службы, гарадскога транспартнага парка, гарадской фарбавальні, гарадской скуралупні і гарадскіх плантацый).

XI. Кіраўніцтва нерухомасці і жылля (ёй падпарадкоўвалася гасцініца “Асторыя”).

XII. Будаўнічая (дарожны аддзел).

XIII. (Не выяўлена).

XIV. (Не выяўлена).

XV. Кіраўніцтва прадмесцямі.

Асобна выдзяляліся гарадская пажарная варта і брыгада камінараў.

Таксама ў ліпені 1943 г. актыўна праводзілася інвентарызацыя рухомай маёмасці ўсіх секцый, падсекцый і гарадскіх прадпрыемстваў. Неабходна было завесці інвентарныя кніжкі, у якіх фіксавалася становішча інвентара, дата атрымання, кошт, каму і калі было выдадзена. Потым тэа кніжкі накіроўваліся да фінансавай секцыі для афармлення [8, арк. 24]. Магчыма, гэта было зроблена не толькі ў мэтах планавай праверкі, але і каб прадухіліць крадзяжы дзяржаўнай маёмасці, якія былі выяўлены ў выніку агляду працы аддзелаў і праверкі іх дакументацыі.

Можна зрабіць вывад, што ў 1943 г. назіраецца дамінаванне ўкраінцаў у гарадской адміністрацыі Брэста: адбываецца спроба актыўнай украінізацыі насельніцтва, якая не дала эфектыўных вынікаў з-за адсутнасці шырокай распаўсюджанасці ўкраінскай мовы сярод жыхароў Брэста. Таксама можна сцвярджаць, што ў 1943 г. узмацняецца жорсткасць кантролю секцый і іх працы, што відавочна з большай у параўнанні з 1941–1942 гг. колькасцю распараджэнняў і справаздач, якія тычыліся дысцыпліны, парадку працы і праверак функцыянавання аддзелаў.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Розенблат, Е. С. Лето 1941 года: становление оккупационного режима (на примере города Бреста) / Е. С. Розенблат // Беларусь у полымі 1941 года: да 80-годдзя пачатку Вялікай Айчынай вайны : зб. навук. арт. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі ; навук. рэд. А. М. Літвін. – Мінск : Беларус. навука, 2021. – С. 168–172.
2. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (далей – ДАБр). – Ф. 201. Воп. 1. Спр. 538.
3. Брест. Лето 1941 г. Документы. Материалы. Фотографии / авт.-сост. К. Ганцер (рук. группы) [и др.]. – Смоленск : Инбелкульт, 2016. – 723 с.
4. Паксімок, М. Р. Інтэрв’ю : аўдыязапіс / М. Р. Паксімок // Архіў кафедры ўсеагульнай гісторыі БрДУ.
5. Брест в 1941–1944 гг. Оккупация : документы и материалы / учреждение «Гос. архив Брест. обл.» ; сост. Г. Д. Калустова, А. Г. Карапузова, Е. С. Розенблат. – Брест : Альтернатива, 2016. – 316 с.
6. Парфянюк, Я. С. Інтэрв’ю : аўдыязапіс / Я. С. Парфянюк // Архіў кафедры ўсеагульнай гісторыі БрДУ.
7. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Брэста. У 2 кн. Кн. 2. – Мінск : БелТА, 1998. – 574 с.
8. ДАБр. – Ф. 201. Воп. 1. Спр. 533.

УДК 94(476+438)«1921/1939»

Б. Г. КУЧИК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – А. А. Савич, канд. ист. наук, доцент

**ЗАКОН О ВЗИМАНИИ ЛЕСНОЙ ДАНИ И АДМИНИСТРАТИВНЫЕ
ОСОБЕННОСТИ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ
ПОЛЕССКОГО ВОЕВОДСТВА**

Согласно Закону Польской республики «О взимании лесной дани на цель восстановления страны» от 06.07.1923, лесная дань (налог) была единоразовым сбором, ее плательщики освобождались от будущего налога на имущество (принят 11 августа 1923 г.). Субъектами дани признавались физические и юридические лица, которым принадлежали леса площадью более 50 га, а также владельцы еще не заготовленной древесины, приобретенной для коммерческих целей, но не для собственного восстановления. Размер сбора составлял 30 % от деловой древесины (*drewno użytkowe*), которую возможно получить в течение 10 лет (используется понятие *etat rębny* – объем древесины, пригодный к вырубке, который фиксируется в плане устройства леса для конкретного участка или лесничества). В случае если лес является сервитутом (общим имуществом с крестьянами прилегающих деревень), дань налагается на объем древесины, который возможно вырубить без ущерба для леса в течение пяти лет.

К другим важным положениям следует отнести право правительства определить форму сбора лесной дани в натуральной форме либо же в денежном эквиваленте. Конкретную сумму лесного сбора определяет административная власть первой инстанции (к ней относились, например, поветовые старосты) совместно с компетентными органами Министерства земледелия и государственного имущества, а также Министерства публичных работ. Закон давал право на обращение в течение 14 дней с момента получения извещения о сборе к административным властям второй инстанции (воеводы) с целью оспорить сумму лесной дани – при этом обязанность выплаты на период рассмотрения обращения не отменялась.

Властям предоставлялась возможность передавать леса уклоняющихся от выплаты дани в государственное управление. Устанавливалась сумма штрафа, увеличенная в 2–10 раз от объема невыполненных обязательств по уплате налога. Выполнение указанного закона поручалось министру публичных работ совместно с министрами финансов, земледелия, внутренних дел, юстиции [1].

Согласно распоряжению Министра общественных работ от 25.09.1923, до 1928 г. планировалось завершить сбор лесной дани с учетом возможных переносов сроков выплаты. Однако распоряжение от 17.10.1925 устанавливало срок уплаты не позднее 1 мая 1929 г. при условии уплаты 1 % месячных за просрочки, возникшие после 28 февраля 1926 г. 16 июня 1930 г. срок уплаты вновь был продлен до 31 декабря 1932 г. с теми же условиями. Таким образом, лесную дань необходимо было платить вперед, до начала экономической деятельности (за древесину, последняя доля которой могла быть получена только в 1932/33 хозяйственном году).

Если сравнить Закон о лесной дани с уже упомянутым налогом на имущество, то можно констатировать, что это два взаимодополняющих акта. Закон о налоге на имущество также заявляет о единоразовом характере сбора (с 1924 по конец 1926 г.) и содержит примерный целевой план сборов на стабилизацию государственного

бюджета: 1 млрд золотых франков (имеется в виду новая польская денежная единица «злотый»). Из них 500 млн злотых планировалось получить от земельных владений, 375 млн – от промышленных и торговых предприятий, а еще 125 млн – «от иных категорий имущества» [2].

При определении размера лесной дани на территории Полесского воеводства возникали многочисленные трудности. Из-за отсутствия развитой сети путей сообщения происходил дифференцированный расчет взимаемой дани – на основе удаленности лесовладения от железнодорожных станций или сплавного канала. Существовали следующие диапазоны: до 5 км, 6–10 км, 11–15 км, 16–10 км, 21–25 км, свыше 25 км. Ставка налога зависела и от диаметра бревна: если он был менее 20 см, то такое дерево 4-го сорта, более 40 см – 1-го сорта [3, л. 22–24об].

Кроме того, 16 декабря 1924 г. Полесское воеводство было разделено на зоны (strefy) в зависимости от стоимости дерева. К первой зоне относились Брестское, Дрогичинское, Кобринское, Пружанское староства. Вторая стрефа – Коссовское, Пинское, Камень-Каширское староства. Третья стрефа – Лунинецкое, Столинское, Сарненское. Цены второй зоны были менее на 10–15 % относительно первой, а третьей – 20–30 % [4, л. 53].

В определении налоговых ставок активное участие принимали представители лесовладельцев, объективно опора властей на инкорпорированных территориях. Сам процесс установления средних цен на товарное дерево, которые и выступали в роли ставки налога, происходил на специальных конференциях, где присутствовали также воевода, представители других государственных органов, окружной инспектор охраны лесов.

Процедуру можно описать следующим образом: зачитывается доклад окружного инспектора, в котором озвучивались ставки, подготовленные дирекцией государственных лесов, и отчеты поветовых старост о конъюнктуре рынка. На основе данной информации инспектор вносил собственное предложение. Далее начиналась дискуссия, в которой наиболее активными были лесовладельцы [3, л. 51–53].

24.06.1927 на фоне начала увеличения экспорта леса в Германию появилось распоряжение президента Польши, которое требовало не допускать рубки леса без согласованных хозяйственных планов. Документ обладал высшей юридической силой относительно распоряжений Министерства общественных работ. Возник конфликт между местными органами власти и Окружной комиссией охраны лесов – многие лесовладельцы просто не имели хозяйственных планов. Подобные случаи возникали в имениях Завишье (семья Пусловских), Островск и Храпин Пинского повета, Телеханы (также имение Пусловских), Упёрово Коссовского повета [5, л. 40, 48]. Из-за этого вывезти из леса деловую древесину для аукционной продажи с целью покрытия налоговой задолженности (лицитация) было невозможно с правовой точки зрения.

Полесское воеводское управление (далее – ПВУ) в письме от 20.06.1928 № П.Од.28/9 потребовало от старост, чтобы органы администрации в случае необходимости сами подавали прошения о согласовании хозяйственных планов для проблемных лесовладений в комиссию охраны лесов. Но такая инициатива вызвала однозначную реакцию Министерства земледелия, которое также отвечало и за лесное хозяйство: 03.11.1929 воеводскому управлению было заявлено об отсутствии правовых оснований на подобные распоряжения.

Признавалось, что определенные лесовладельцы даже при наличии планов вырубают весь объем согласованной древесины, после чего невозможно взыскать задолженность натурой без значительного ущерба для леса. В таких случаях Министерство земледелия рекомендовало рассматривать отсутствие хозяйственного плана как отдельное административное правонарушение и добиваться его получения в рамках

властных полномочий местной администрации. При наличии плана, который не мог покрыть задолженность, предлагалось растянуть процесс взыскания на несколько лет либо же действовать совместно с комиссией охраны лесов: профессиональные лесоводы могли найти способы получения деловой древесины во время вспомогательных вырубок, проводимых отдельно от основных (*Etat użytków międzyrzębnych*) [6, л. 6–7, 15–15об].

Последний полесский воевода Вацлав Костек-Бернацкий внес предложение об изменении порядка сбора лесной дани, но произошло это только в 1937 г., когда недоимки фактически приобрели статус безнадежного долга. Основываясь на выводах Брестской окружной избы контроля от 28 июля 1937 г., глава ПВУ обратил внимание, что необходимые операции при взимании данного налога осуществляет слишком много ведомств, что приводит к путанице. Плата поступает в кассы региональных управлений Министерства финансов (далее – Минфин), в расчетах участвуют сотрудники Министерства внутренних дел, месячные отчеты составляют как управления Минфина, так и ПВУ, при составлении годовых отчетов органы Минфина обращаются за данными ПВУ. Для проведения эзекуций (актов изъятия имущества) секвестраторами (сотрудники принудительного исполнения Минфина) необходимы были документы от поветовых старост. Старосты также занимаются пересчетом дани в случае опротестования изначального ее размера. Такой порядок вещей Брестской окружной избой контроля был охарактеризован как «случайное распределение функций», которое мешает делу ликвидации задолженностей.

В. Костек-Бернацкий пришел к выводу, что на местах очень часто меняются специалисты, отвечающие за работу по взиманию лесной дани, а их профессиональный уровень не способствует качественной работе. Подобными сборами должны заниматься профессионалы из скарбовых изб [7, л. 2, 9–10]. Однако изучение документов, возникших в результате деятельности органов Минфина на территории Полесского воеводства, приводит к выводу, что учреждения налогообложения испытывали многочисленные трудности и не были готовы возложить на себя дополнительную работу [8, л. 1].

Таким образом, можем констатировать, что реализация Закона о сборе лесной дани подразумевала достаточно сложный административный процесс, который требовал постоянного взаимодействия различных властных структур как между собой, так и с плательщиками данного налога.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ustawa z dnia 6 lipca 1923 r. o poborze daniny lasowej na cele odbudowy kraju [Dokument elektroniczny]. – Tryb dostępu: <https://inlnk.ru/yOJy8o>. – Data wejścia: 24.03.2024.
2. Podatek majątkowy [Dokument elektroniczny]. – Tryb dostępu: <https://inlnk.ru/DBzRxv>. – Data wejścia: 31.03.2024.
3. Государственный архив Брестской области (далее – ГАБО). – Ф. 1. Оп. 3. Д. 1214.
4. ГАБО. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 830.
5. ГАБО. – Ф. 1. Оп. 3. Д. 1223.
6. ГАБО. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 829.
7. ГАБО. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 456.
8. ГАБО. – Ф. 50. Оп. 1. Д. 3422.

УДК 271.2-9(476.7)

Е. В. ЛЕБЕДЕВСКАЯ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Е. А. Бурик, канд. ист. наук, доцент

**КОЖАН-ГОРОДОКСКАЯ СВЯТО-НИКОЛАЕВСКАЯ ЦЕРКОВЬ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

В наше время храм Святителя Николая Чудотворца в аг. Кожан-Городок Лунинецкого района Брестской области не только служит местом для единения человека с Богом, но и имеет важное культурно-историческое и архитектурное значение, а потому есть необходимость углубиться в историю его строительства и функционирования на протяжении уже более 200 лет. Долгое время бытовала информация о том, что храм построен без единого гвоздя, но хранящиеся в церкви документы, которые включают договоры, метрики, написанные на старопольском языке, показали обратное.

Возрождение православия на белорусских землях началось в конце XVIII в. после включения данных территорий в состав Российской империи. Так, территория современного Лунинецкого района отошла к Российской империи в результате второго раздела Речи Посполитой в 1793 г. В 1796 г. земли Луниетчины входили в состав Пинского и Мозырского уездов Минской губернии. На момент вхождения в Российскую империю к Лунинецкому региону относилось 39 населенных пунктов, из которых всего два местечка – Кожан-Городок и Лахва [1, с. 44]. Местечко Кожан-Городок входило в состав Пинского уезда. Владельцами Кожан-Городка к этому времени являлись Щиты, которые издавна примкнули к греко-католической конфессии (униатской), спустя некоторое время перешли в католическую веру. Однако церковь в Кожан-Городке до 1744 г. оставалась православной, а уже потом стала униатской. Одновременно с ней функционировал костел, и до нашего времени о нем совсем не сохранилось информации. Известно, что в дни Святых Николая Чудотворца и Симеона в местечке проводились ярмарки – два раза в год. Также семья Щитов построила в своих имениях Бостынь, Вичин, Язвинки церкви. Можно утверждать, что они были униатскими, так как всего на то время в Лунинецком районе было лишь три православных храма – в Дятловичах, Лунинце и Морщановичах [1, с. 45]. Необходимость построить новый храм в Кожан-Городке появилась в связи с тем, что старая церковь сгорела, а мешчанам без церкви обходиться было сложно [2, с. 132].

Первый договор о строительстве церкви был подписан с мастером Александром Малиновским из Давид-Городка 29 ноября 1813 г. Контракт с мастером заключало Кожан-Городокское церковное братство в лице церковных старост Яна Мацкевича и Тимоха Коротышевского, по совместительству городского войта, братьев Александра Коротышевского и Станислава Саноцкого, дьяка Яна Грицкевича, приглашенного священника Гжегожа Шеметилло, настоятеля Кожан-Городокской церкви, экзаменатора Мозырского деканата. Деньги мастеру обязалось выплачивать братство, дополнительно был объявлен сбор пожертвований с жителей местечка – по их материальной возможности [3].

Однако завершить строительство мастер А. Малиновский не смог: был обязан вернуться ко двору в Давид-Городок. 10 мая 1816 г. был подписан договор о том, что мастер А. Малиновский хотя и оставляет строительство храма, но в будущем обещает вернуться к нему при условии, что будет свободен от работы на прежнем месте.

Строительство церкви продолжилось теперь новыми мастерами. Таким образом, не ранее 1816 г. был заключен договор с новыми мастерами – Симоном Конопацким, холопом Дятловецким, и Василием Листопадом, холопом Юзефа и Текли Щитов. Оплата работы Малиновского изначально составляла 10 серебряных рублей, позже он занял у братства еще 6 рублей, а новым мастерам братство обязалось выплачивать по 6 рублей ежемесячно, которые они делили между собой. Помимо денежной оплаты, мастерам предоставлялся стол, т. е. приход обеспечивал их питанием. Данный контракт также заключило братство в лице Яна Петровского, Тимоха, Александра и Антония Коротышевских [4].

Ввиду того, что строительство церкви велось уже не первый год, необходимо было завершать начатое дело. На этот раз братство предусмотрело следующий нюанс: если ситуация сложится таким образом, что С. Конопацкий будет вызван ко двору в Дятловичи, то по контракту он обязуется объяснить все особенности работы В. Листопаду. Также мастерам в помощь было выделено восемь подручных работников, чтобы дело шло быстрее [4].

Следует отметить, что мастера А. Малиновский, С. Конопацкий, В. Листопад, а также другие члены братства были неграмотными, поэтому они подписывались тремя крестиками [3; 4].

Таким образом, всю работу по строительству храма курировало церковное братство, деньги выделяло также братство из церковной кассы.

Главным фактом, который опровергает утверждение о том, что Кожан-Городокская церковь строилась без единого гвоздя, является документ, в котором указаны конкретные цифры на закупку гвоздей. Гвозди на строительство поставлял Кожан-Городокский гражданин Борух Иегович. Например, за 1814 г. Иеговичу за 3000 тыс. гвоздей должны заплатить 1200 злотых, а за костыли (разновидность гвоздей) – 900 злотых за 300 штук. В контракте была оговорка о том, что гвозди братство обязалось покупать только у Иеговича и что оно не будет покупать данный товар у других поставщиков даже за полцены [5].

Несомненно, большой вклад в строительство церкви Святителя Николая Чудотворца внесли добровольные пожертвования местных жителей. Так, например, Тимох Коротышевский пожертвовал на строительство храма 2000 злотых, но с пояснением, «чтобы из его потомства не брали рекрута» [6]. Как правило, другие жители предоставляли пожертвования в пределах 100 злотых. В частности, такую сумму на строительство церкви внесла, например, прачка Агата Пинчуковна. Кроме этого, наблюдалась практика пожертвования через долговые записки других прихожан.

В 1818 г. строительство храма в честь Святого Николая было завершено. На 6 февраля 1818 г. инвентарь Кожан-Городокской церкви составляли образ Пресвятой Девы Марии Скорбящей, позолоченный и покрашенный, образ Господа Спасителя, деревянный аналой (стол-подставка для икон), алтарное покрывало, антепендиум (передняя стенка алтаря), стол для причащения – все это находилось в большом алтаре. Малый алтарь составляли 13 церковных образов, из которых десять написаны на материале из дерева, два образа написано на полотне, а на бумаге, помещенной в специальную стеклянную раму, всего один. В храме имелся обязательно алтарный крест, который был деревянным, а также еще два креста, предназначенные для шествия. Была в наличии дароносица позолоченная, украшенная чешскими камнями, и прочий церковный инвентарь: кресты, ложка, корона, – либо позолоченные, либо серебряные и др. [7, л. 2].

Облачение для церковнослужителей было достаточно разнообразно и богато – украшено цветами и орнаментировано. Облачение было разное: с красным основанием,

с бирюзовым шелковым, со светло-голубым с серебряными вставками, также траурное с черным воротником и белой мишурой и темно-коричневого цвета [7, л. 3–4]. Одевание священнослужителей было пошито из немецкой и голландской ткани. Комжа (элемент облачения) была украшена кружевом, а сшита из ажурной ткани [7, л. 5]. Интерьер церкви соответствовал убранству священников: пурпурного цвета балдахин, в дополнение обшитый желтой нашивкой, плащаница и занавеси были разных цветов.

Из книг имелось Евангелие, обложенное зеленым бархатом и серебряными пластинками, с серебряным переплетом, позолотой. Имелись Евангелие поменьше, Библия Старого и Нового Завета и пр. [7, л. 5].

На 1818 г. к приходу относились вместе с Кожан-Городком близлежащие деревни Цна и Дребск. Так, в местечке Кожан-Городок насчитывалось 82 дома, в д. Цна – 51 дом, в д. Дребск – 49 домов. Таким образом, Кожан-Городокский приход насчитывал 182 дома, в которых проживало 639 трудоспособных лиц мужского пола и 679 – женского пола [7, л. 6]. В распоряжение церкви, помимо приходской кассы, входили пахотные земли, поля и покосы на реках Цна и Припять.

В связи с немалыми суммами денег, что хранились в кассе прихода, братство церкви стало кредитором для местных жителей: деньги давали под расписку, которую подписывал настоятель, дьяк или член братства, и под проценты. Например, 27 февраля 1807 г. некий Каспер Гриневский одолжил 166 злотых и 20 грошей на лечение от лихорадки и обязался отдавать под 7 %. Расписку ему подписал садовник Николай Бавилловский, в свою очередь он передал эту записку братству на будущее строительство церкви, под залог Гриневский отдавал имевшееся у него имущество [8].

Еще одной из функций церкви на тот момент была продажа меда. В октябре 1813 г. Кожан-Городокским братством было продано меда на 280 злотых, ниже подписался Ян Мацкевич, член братства [9].

Можно говорить о том, что Свято-Николаевская церковь не просто имела в достатке все необходимое для проведения литургии и иных священных таинств. Приход способен был самостоятельно и независимо от того, есть ли у него попечитель, функционировать и сам себя обеспечивать, благодаря в том числе и бортничеству.

До наших дней сохранилась уникальная лампада, которая была подарена от имени императора, а в христианском почитании святого страстотерпца Николая II Александровича, в честь его восшествия на российский престол 20 октября 1894 г. В этом можно убедиться лично, если взглянуть на гравюру на лампаде [10].

На сегодняшний день Кожан-Городокская церковь относится к архитектурному стилю полесского деревянного зодчества с чертами барокко. Трехъярусная шатровая колокольня с тамбуром с западной стороны является сегодняшним входом в церковь. Она была построена лишь в 1876 г. [2, с. 133].

При советской власти в 1956 г. по распоряжению Министерства культуры БССР удалось залить новый фундамент и отреставрировать крышу здания. Именно тогда была нарушена конструкция храма, после чего церковь начала постепенно уходить под землю (до 30 см) и стали наклоняться купола. В связи с этим Свято-Николаевская церковь получила название «пизанской» [2, с. 133].

С 2023 г. Кожан-Городокский приход приступил к реставрации храма. На данный момент заменены нижние венцы и залит новый фундамент. Следующий этап реставрации будет заключаться в выравнивании куполов и замене кровли [10].

Важно отметить, что, как и 200 лет назад, так и сегодня благодаря равнодушию прихожан реставрация и сохранение многих элементов внутреннего интерьера

и внешнего декора были осуществлены в том числе с помощью пожертвований простого населения.

Уже больше 200 лет храм Святого Николая возвышается над Кожан-Городком, притягивая к себе своей богатой историей и уникальной, величественной архитектурой. Главная святыня древнего местечка хранит в своих стенах память о больших эпохах – от Российской империи до Советского государства и независимой Республики Беларусь. Поэтому потомкам, несомненно, необходимо беречь не только духовность храма, но и архитектурный облик сооружения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Памяць. Лунінецкі раён: гісторыка-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / уклад.: Т. В. Канапацкая ; рэдкал.: Э. Н. Гнеўка [і інш.]. – Мінск : Беларусь, 1995. – 717 с.

2. Тишкевич, А. В. Свято-Николаевская церковь (Кожан-Городок), или «Пизанская» церковь / А. В. Тишкевич // Православие и цивилизационный выбор Беларуси (к 180-летию Полоцкого Собора 1839 года) : материалы XVIII семинара студентов высш. учеб. заведений Беларуси, Жировичи, 13–14 дек. 2019 г. / Мин. духов. семинария. – Жировичи : Изд-во Мин. духов. семинарии, 2020. – С. 132–135.

3. Контракт прихожан Кожан-Городокской церкви с Александром Малиновским, гражданином Давид-Городка, от 29 ноября 1813 года // Архив храма Святителя Николая Чудотворца в аг. Кожан-Городок Лунинецкого района Брестской области.

4. Контракт на постройку церкви в Кожан-Городке от 1816 г.; Дополнения к контракту от 1817 г. // Архив храма Святителя Николая Чудотворца в аг. Кожан-Городок Лунинецкого района Брестской области.

5. Контракт Боруха Иеговича с братством Кожан-Городокской церкви от 3 марта 1814 года // Архив храма Святителя Николая Чудотворца в аг. Кожан-Городок Лунинецкого района Брестской области.

6. Добровольное пожертвование на постройку церкви в Кожан-Городке от 18 января 1814 года // Архив храма Святителя Николая Чудотворца в аг. Кожан-Городок Лунинецкого района Брестской области.

7. Сокращенное изложение генерального визита в приходскую часовню Ружан, в Брестской епархии, Минской губернии, Мозырского повета и деканата, за ужином с ясновельможным Юзефом Щитом, камергером бывшего Польского Двора, президентом пограничных судов Пинского повета, кавалером ордена св. Станислава, состоявшимся 6 февраля 1818 года // Архив храма Святителя Николая Чудотворца в аг. Кожан-Городок Лунинецкого района Брестской области.

8. Долговая расписка Каспера Гриневского от 27 февраля 1807 года // Архив храма Святителя Николая Чудотворца в аг. Кожан-Городок Лунинецкого района Брестской области.

9. Реестр отправки меда в 1813 году, 26 октября // Архив храма Святителя Николая Чудотворца в аг. Кожан-Городок Лунинецкого района Брестской области.

10. Приход храма святителя Николая чудотворца аг. Кожан-Городок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kazhan-haradok.cerkov.ru/>. – Дата доступа: 28.03.2024.

УДК 124

И. И. ЛУКЬЯНЧЕНКО

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Е. С. Розенблат, канд. ист. наук, доцент

ПРАВОСЛАВНАЯ ТРИАДОЛОГИЯ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

До сих пор православная теология в условиях мысли постмодерна – относительно свежая тема для исследований. Сам постмодерн также является еще недостаточно отрефлексированной темой, так как даже в академических кругах его трактовки весьма произвольны и отношение к нему различных мыслителей, по наблюдениям, даже не стремятся к единству, что тогда говорить о предметном изучении проявлений постмодерна. Исследование православного богословия во времена культурной гегемонии постмодерна является необходимым шагом для того, чтобы сформулировать сегодняшний облик Православной церкви, а значит, не допустить появления белых пятен в истории православия в будущем.

Постмодерн ставит перед духовной сферой общества новые вызовы, на которые необходимо отвечать. Нередко мыслящий в соответствии с идеалами постмодерна человек смотрит на сохранивших доминирующее положение идеалов модерна субъектов духовной культуры с непониманием либо с пренебрежением, отчего сам постмодерн, будучи культурной экосистемой, стремится вобрать в свою парадигму все больше субъектов культуры.

Православная церковь является действующим субъектом духовной культуры нашего общества, который сохранил в себе идеалы модерна и где на сегодняшний день модернистский гуманизм и свободомыслие образуют прочный синтез с богословием как основным гносеологическим путем эпохи премодерна. Таким образом, православная религия становится объектом для вызовов постмодерна и, соответственно, должна на эти вызовы реагировать для сохранения своей целостности в целом и позиций в культурной жизни общества в частности. Богословие, являющееся краеугольным камнем православной религии, выполняет также функции ретранслирования взаимодействия церкви с внешним миром.

Существует необходимость в наиболее простом и понятном определении постмодерна, доступном для широкого круга людей. Постмодерн – это духовное состояние индустриального-постиндустриального общества, для которого характерна критическая переоценка фундаментальных для общества понятий, идеологических скреп в рамках отрицания модерна, а также введение новых концепций-инструментов для работы с категориями «реальность», «человечность», «прогресс», «истина» и мн. др.

Триадология – это раздел фундаментального богословия, в котором излагается догмат о Троице. Триадология вместе с ангелологией, по мнению автора исследования, являются «глубинными» разделами теологии, до которых трудно добраться мысли постмодерна и где сильно ограничена возможность вызвать резонанс в сравнении, например, с пафосной эсхатологией, экзистенциально определяющей эклезииологией либо обладающей свойством нарративной центральности сотериологией. Кроме того, случай триадологии характерен еще тем, что весьма сложно не только преобразовать учение, но и при этом не перевести преобразование в «стадию» ереси, ведь большинство самых известных в истории христианских ересей как раз были связаны с вольным трактованием триадологии. Вероятно, именно в этой связи не удалось выявить каких-то

тенденций или вызовов постмодерна, прямо затрагивающих триаологию. Впрочем, есть тенденция, позволяющая сделать прогноз о том, что минимум один такой вызов следует ожидать в будущем. Таким образом, по большей части это исследование носит прогностический характер.

Тенденция, о которой далее пойдет речь, – это противостояние консервативного догмата о бесстрастности Бога и относительно новой доктрины о Страдающем Боге. Доктрина Страдающего Бога уже в XX в. стала доминировать в западном христианстве – католичестве и протестантизме, так как на западе изначально главенствовало понимание ипостаси как индивидуализированной части природы [1, с. 56]. Причиной тому стал нравственный запрос на эту доктрину во времена гуманитарных катастроф модерна. Суть доктрины заключается в том, что только сострадающий Бог может привести к спасению. Загвоздка в том, что сострадание предполагает страдание. Это очевидно приводит к противоречию с догматом о бесстрастии, суть которого восходит еще к античной греческой философии (восприятие которой в православии куда теснее, чем в других христианских конфессиях). Свойство бесстрастия через свойство неизменности связано со свойством совершенства. Страсти побуждают к изменению, неизменность есть необходимое условие совершенства, ведь совершенствовать совершенное невозможно в принципе: любое изменение совершенного будет равнозначно отдалению от совершенства. Свойство неизменности Бога (а значит, и его бесстрастности) выражено в том числе святым Филоном Александрийским [2].

Православными сторонниками доктрины Страдающего Бога считаются философ Н. А. Бердяев и протоиерей Сергей Булгаков. Они оба работали в эмиграции до середины XX в. Конечно, хронологически они никак не связаны с постмодерном, но после падения Советского Союза их идеи стали актуальными и даже востребованными, ссылки на о. Сергия в богословских статьях, как и статьи, целиком посвященные его работе, весьма часто встречаются в церковной литературе. То же самое касается и философа Н. А. Бердяева. При жизни часть идей протоиерея Сергея Булгакова была отвергнута Священноначалием Православной церкви, причем, его идеи о Сострадающем Боге были оставлены без внимания. По о. Сергию, во Христе божественная природа страдает человеческой и в этом суть перихорсиса (взаимопроникновение частей двуединой природы друг в друга) Иисуса Христа. Ведь оставленные без сострадания божественной природы страдания природы человеческой – это недопустимый уровень двойственности природы Христа [1, с. 70]. Акцент также на духовной, а не плотской природе сострадания божественного начала человеческому.

Этот вопрос помещен в раздел триаологии, так как речь здесь о роли не только Христа, но всего триединого Бога. «В человеческом распятии Сына и Божественном со-распятии Отца со-распинается и сама любовь, ипостасная Любовь Отца и Сына, Дух Святой» [1, с. 72]. Исследователь В. И. Немыченков дает исчерпывающую характеристику доктрине Страдающего Бога, однако в контексте разговора о постмодерне нас интересуют следующие пункты его списка:

2) отрицают или перетолковывают основные свойства Божественной сущности: вечность, неизменяемость, всеблаженство, бестелесность (невещественность), бесстрастность и т. п.;

3) обосновывают отказ от Божественной бесстрастности (*divine impassibility*) нравственными требованиями солидарности Бога со страждущим человечеством, всем тварным миром.

Пункт 2 характеризуется ревизией Абсолюта. Абсолют при наличии самой возможности деградации, т. е. при наличии свойства изменяемости в условиях совершенства

(= наличия свойства лишать себя совершенства) перестает быть Абсолютом. Это тавтология, но Абсолют – это не степень, невозможно стать «абсолютней», ровно как и невозможно стать совершенней при условии совершенства. Можно лишь потерять свое свойство абсолютности, если перестать быть всеобъемлющим, как и перестать быть совершенным при малейшем изменении совершенного. Ревизию Абсолюта саму по себе нельзя назвать верным признаком постмодерна, можно лишь сделать симптоматическое замечание по этому поводу. Однако здесь ревизия Абсолюта, помимо всего прочего, затрагивает и одни из главных свай христианского фундамента. Не менее «симптомным» является пункт 3, ведь он отражает запрос общества, которое на момент описанных событий (т. е. гуманитарных катастроф XX в.) уже перетекало в состояние постмодерна. Более того, в период наступившего постмодерна (протестантские религиозные философы Р. Бокхэм, А. Пикок, Р. Гетц и С. Бергман, как и католические священники Р. Канталамесса, Х. Кюнг, Дж. Собрино, – сторонники Страдающего Бога и наши современники) на западе запрос получил положительный ответ, и это уже смело можно назвать победой постмодерна.

На основании вышеописанного можно сделать прогноз относительно доктрины Страдающего Божества в Православной церкви. Стереотип о консерватизме православия сравнительно с католичеством и тем более протестантизмом в случае с тем же догматом о бесстрастности подкреплен также очень высокой степенью восприятия православием греческой античной традиции (Аристотель заявил: «всякое изменение божества будет изменением к худшему»), т. е. православию будет намного легче, чем католичество, тем более протестантизму, «выстоять» перед таким возможным вызовом. Однако делать прогноз касательно состояния человеческой мысли – очень сложное и неблагодарное дело, ведь неизвестно, каким мощным в теории может быть социальный запрос на «солидарного» Сострадающего Бога и может ли он быть вообще. Возможно, роль также сыграет фактор рациональной убедительности теологии протоиерея Сергия Булгакова, а также влияние столь близкого к религии философа Н. А. Бердяева (тем более, близкого православию). Еще одним камнем преткновения, как указывает исследователь В. И. Немыченков, может стать предположение о том, что *«после Вознесения Христа страданий Сына вследствие Его сострадания страждущему человечеству, а также страдания Отца и Святого Духа, солидарных с воплотившимся Логосом»* [3, с. 158].

Таким образом, в постоянно меняющемся мире, вероятно, следует ожидать преобразования триадилогической части фундаментального православного богословия, которое пока еще сохраняет консервативность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Немыченков, В. И. Доктрина страдающего Бога в современном христианском богословии / В. И. Немыченков // Церковь и время. – 2016. – № 75. – С. 55–82.
2. Классический взгляд: Бесстрастность Бога [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://infopedia.su/14x10a93.html>. – Дата доступа: 10.03.2024.
3. Немыченков, В. И. Страдания Бога Сына в период Его земного служения: догматические аспекты / В. И. Немыченков // Церковь и время. – 2016. – № 76. – С. 117–168.

УДК 94(470)«1917»

Ю. А. ЛУЦА

Могилев, МГУ имени А. А. Кулешова

Научный руководитель – Д. С. Лавринович, д-р ист. наук, профессор

ОТРАЖЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ В 1917–1921 ГОДАХ

Февральские события 1917 г. и переход власти к Временному правительству стали важнейшими вехами в истории России. Начавшееся строительство государства на демократических началах привнесло новые элементы в общественную жизнь страны, в которой продолжали играть ведущую роль экономические и политические факторы. Бушующий голод в городе и деревне, а также дезертирство в рядах армии стали не только бременем полугодичного правления Временного правительства, но и важной основой политической программы большевистской партии.

С началом деятельности Временного правительства актуализировался вопрос о внутриэкономической и финансовой стабилизации. Одним из первых предложений в данном направлении было проведение эмиссионной реформы. В дореволюционный период все местные акционерные и имперские банки, в том числе Госбанк, смогли установить качественный прирост валютных операций, производимых в рублях. Во многом такие движения были связаны как с выходом российских товаров на международный рынок, так и с общемировым экономическим прогрессом государств-гегемонов.

Однако окончание военных действий к концу 1917 г. изменило экономическую ситуацию в регионе. По мнению современных ученых-экономистов, государства должны были распределить всю финансовую нагрузку внутри страны в течение февраля – апреля 1917 г. Причем, по мнению А. В. Попова, на ухудшение ситуации в регионе влиял и «постоянно включенный печатный станок» [1, с. 101], тем самым показывая бесконтрольность в скорейшем решении ситуации и обесценивание валюты.

Попытки решения этого вопроса существовали и позднее. Например, в период с апреля по май 1917 г. был разработан один из самых известных займов в ранней советской истории – «Заем Свободы» [2, с. 57]. Но отсутствие долгосрочного кредитования и нерешенность вопроса о выплатах займа не давали существенных подвижек, тем самым ликвидируя любые перемены.

С течением времени вопрос о развитии экономики в значительной форме проявился в ходе апрельского и июльского кризисов. Нарастание недовольства у населения, а также внутриправительственный разлад сподвигли государство и большевистскую партию взять реванш. Именно поэтому к октябрю 1917 г. был окончательно решен вопрос о необходимости проведения ряда мероприятий по социально-экономической и политической трансформации общества. Первичная динамика в нахождении путей решения ярчайшим образом проявилась к ноябрю-декабрю того же года, что связано с активным правотворчеством и агитационной деятельностью большевиков.

Начало обострения внутривластной ситуации в мае 1918 г. стало важным этапом в последующих событиях советской истории 1920-х гг. Информацию о данных событиях, в том числе общественно-экономической ситуации в регионах, предоставляют сохранившиеся материалы периодических источников.

Значительную роль в поддержании общественного образа большевистской партии сыграли агитационные органы, стремившиеся продемонстрировать актуальные

проблемы России. В первую очередь в поле зрения художников и поэтов-памфлетистов были брошены образы белогвардейского движения, где значительную роль сыграли представители «капиталистически-буржуазного общества традиционной России» – духовенство, зажиточное крестьянство и т. д.

Впервые на страницах периодических журналов представители антибольшевизма появились в 1919 г. Значительный вклад в развитие такого рода пропаганды внесли советские художники-карикатуристы В. Н. Дени и Д. С. Моор. Каждая их работа с особым трепетом была воспринята читателем, тем самым все больше заявляя о проблемах и причинах начала войны. Так, в одной из работ художник В. Н. Дени отразил не только важнейших политических акторов военных событий 1919–1921 гг., но и их главных проводников «в мирское население» [3, с. 38]. В частности, выбранная тема в 1920 г. нашла отражение в ряде политических плакатов – «На могиле контрреволюции» [4], «Вся власть помещикам и капиталистам!!! Рабочим и крестьянам – плеть!!!» [3, с. 36–37], «Украинский хлеб. Крестьянин, что надо сделать с польским паном, который заграбил твой хлеб?» [5] и т. д., что напрямую было связано с демонстрацией многочисленных конфликтов, развернувшихся на фронтах Гражданской войны.

Однако этот период в истории России невозможно представить еще без одной политической силы в государстве – так называемых «капиталистов». Развитие социально-экономических отношений, а также формируемый их общественный образ дополняли общественную концепцию по пониманию роли «капиталистов» в истории российской экономики. Так, в упомянутом плакате «На могиле контрреволюции» (1920) [3] уже с первых строк находим описание происходящего отягощения социально-экономического положения высших слоев имперской власти:

На могиле контрреволюции.	Где генералы, адмиралы,
И жутко кличет воронье,	Почему и пьяное житье?
Сошлись у дорогой могилы	Пропала сила, все прошло,
Пролить слезу буржуй и поп,	И жутко кличет воронье,
Все их надежды, все их силы	
Ушли, уходят в «братский» гроб.	

Обращение к высшему командному составу армии – «генералам, адмиралам» – было не случайно, что связано в первую очередь с изображением ключевых главнокомандующих белогвардейского фронта, сыгравших важную роль во всей истории Гражданской войны. Причем каждый показанный сруб ассоциировался с конкретными личностями или группой лиц. Так, например, объединения «Деникин» и «Краснов» были связаны с ведением указанными личностями военных событий на едином фронте – «юге» России. Еще одной фигурой художников стал известный украинский гетман П. П. Скоропадский, чья судьба напрямую была связана с белогвардейским движением. Ум, рассудительность и авторитет – качества, которыми обладал, по мнению современников, один из самых известных атаманов «всея» украинской земли. Тем самым упоминание политического веса в национальной политике России было достаточно велико, что связано со стремительным политическим взлетом после проведения Всеукраинского съезда «вольного казачества», а также проведением антибольшевистских мероприятий в городах и селах Украины. Однако растущая зависимость от роли союзников Антанты, а также разлад во внутренней политике «державы» привели «гетмана» к финалу.

Не смогли художники обойти еще одну важную деталь изображения, а именно геральдические особенности имперского строя: императорскую корону Николая II, раздавленного в ходе революций гербового орла и развивающийся над могилой имперских генералов триколор. Все это было показано вдобавок к безнравственному образу духовенства, которое у значительного населения России связывалось с «греховностью, лживостью и взяточничеством». По этому поводу художник отобразил существующие финансовые «излишки» клира в виде бездонной литой бочки, на которой было указано соответствующее название «Казенное литье».

В завершение памфлета авторы привели строки, в которых очередной раз говорится о завершении «золотой эпохи» империалистов и окончательном переломе военных событий в победную сторону большевиков:

Два друга вспоминают с болью
Разгром последнего царька:
«Ах! Слишком быстро тешет колья
Красноармейская рука!»

Рыдает поп, буржуй рыдает
И под могильный нудный вой
Тихонько слезы утирает
Архангел их – городовой.

Именно поэтому периодическая печать в раннем советском государстве сыграла важную роль в демонстрации экономической жизни России в послереволюционный период. Проблемы, связанные с внутрисполитическими и экономическими кризисами, не только свидетельствовали о сокращении экономического богатства страны, но и подчеркивали необходимость искать их решение, вдохновляя крестьянское население на достижение экономического прогресса. Благодаря принятым декретам и постановлениям Совета народных комиссаров в 1917–1920-е гг. финансовая и банковская система смогла восстановиться, что способствовало преодолению кризиса «военного коммунизма» и быстрому развитию советской экономики уже в период НЭПа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Попов, А. В. Финансовая политика Временного правительства февраль – октябрь 1917 г. / А. В. Попов // Копытинские чтения – I, II : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 17–18 мая 2018 г. / под общ. ред. М. И. Матюшевой. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2018. – С. 100–102.
2. Соколов, Е. Н. Финансовая политика Советской власти (октябрь 1917 – август 1918 г.) / Е. Н. Соколов. – Рязань : Рязан. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2008. – 148 с.
3. Полонский, В. Русский революционный плакат / В. Полонский. – М. : Гос. изд-во, 1925. – 192 с.
4. На могиле контрреволюции : плакат / худож. В. Н. Дени (Денисов). – М. : Лит. изд. отд. Полит. упр. РВСР, 1920. – 1 л.
5. Украинский хлеб. Крестьянин, что надо сделать с польским паном, который заgrabил твой хлеб? : плакат / худож. В. Н. Дени (Денисов). – М. : Лит. изд. отд. Полит. упр. РВСР, 1920. – 1 л.

УДК 659.133

А. А. МАЦУКЕВИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – А. Ю. Бодак, канд. ист. наук, доцент

ВИДЫ СОВЕТСКОГО БЫТОВОГО ПЛАКАТА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН

Советский плакат был важным явлением социокультурной жизни Советского Союза. Он оказывал огромное влияние на формирование определенных представлений об окружающей жизни и выполнял назидательно-воспитательную функцию.

На советских плакатах нередко изображались и критиковались различные недостатки общества, которые воспринимались как препятствия на пути к построению идеального социалистического общества. Среди этих недостатков:

1. Алкоголизм и хулиганство.

Алкоголизм и хулиганство часто осуждались на плакатах как одна из главных проблем общества. Подрывались мораль граждан, здоровье и трудоспособность.

2. Бюрократизм и коррупция.

На плакатах критиковался бюрократизм в государственных структурах, а также проблема коррупции, которая подрывала доверие к власти и справедливости социалистической системы.

3. Неравенство и социальная несправедливость.

Некоторые плакаты обращали внимание на неравенство в обществе, наличие привилегий и преимуществ для определенных групп граждан, что противоречило идеалам равенства и справедливости.

4. Низкий уровень производительности и безответственность на работе.

На некоторых плакатах критиковалась низкая производительность труда, безответственное отношение к работе и неэффективное использование ресурсов.

5. Отсутствие бдительности и патриотизма.

Некоторые плакаты призывали к бдительности, патриотизму и защите интересов страны, осуждая любые проявления безразличия или предательства.

Таким образом, советские плакаты отражали различные недостатки общества, которые воспринимались как препятствия на пути к построению социализма и требовали коллективных усилий для преодоления [1].

Несмотря на пропаганду труда и занятости населения, среди граждан нередко были и пьющие, и добровольно незанятые. Пьянство часто изображалось как негативное явление, которое подрывает здоровье, работоспособность и моральные ценности граждан. Оно рассматривалось как проблема, которая требует борьбы и просвещения населения (рисунок 1, а).

На плакатах часто изображались негативные последствия потребления алкоголя: разрушение семей, утрата трудоспособности, ухудшение здоровья и общественная деградация. Изображения пьяных людей часто сопровождались текстами, призывающими к отказу от алкоголя и заботе о своем здоровье. Персонажи на плакатах давали отпор пьянству, лени, хулиганству и недобросовестности. Алкоголь всегда изображается в негативном ключе: положительные герои от него отказываются, а отрицательные

получают по заслугам и высмеиваются, ведь для советского человека нет ничего важнее общественного мнения (рисунок 1, б) [2].

Плакаты также акцентировали внимание на социальных последствиях пьянства, таких как ухудшение экономического положения семьи, нарушение общественного порядка и безопасности. Они призывали к ответственному отношению к употреблению алкоголя и предостерегали от его вредных последствий (рисунок 1, в) [3].

Рисунок 1 – Советские плакаты: а) «Позор получающим зарплату в черной кассе!», б) «Врага самогонщика и яд самогон...», в) «Стыдно!»

Таким образом, пьянство на советских плакатах изображалось как проблема, требующая внимания и коллективных усилий общества для ее преодоления.

Часто изображалось противостояние хулиганству и нарушениям общественного порядка. На этих плакатах можно было увидеть изображения нарушающих законы и порядок хулиганов, а также призывы к борьбе с хулиганством и пропаганде законопослушного поведения. Такие плакаты направлялись на формирование правильных нравственных ценностей и поддержание общественного порядка в советском обществе.

Хулиганство было частой темой на советских плакатах, поскольку советское правительство стремилось поддерживать общественный порядок и бороться с анти-общественным поведением. На плакатах изображались различные сцены, предупреждающие о негативных последствиях хулиганства и призывающие к дисциплине и законопослушанию [4]. Например, на плакатах изображались моменты конфликтов на улице, в общественном транспорте или в других общественных местах, сопровождаемые призывами к соблюдению законов и норм поведения. Такие изображения и слоганы напоминали гражданам о необходимости соблюдать порядок и уважать других людей.

Советские плакаты также акцентировали внимание на воспитании молодежи и формировании правильных ценностей, чтобы предотвратить появление хулиганского поведения среди молодежи (рисунок 2, а).

В целом советские плакаты, посвященные борьбе с хулиганством, служили средством пропаганды, направленным на формирование дисциплинированного и законопослушного общества (рисунок 2, б).

а

б

Рисунок 2 – Антихулиганские плакаты:
а) «Не смей», б) «Боритесь с хулиганством!»

Гастрономия на советских плакатах часто изображалась как важный элемент повседневной жизни советского человека, отражая идеологические принципы и ценности того времени. Вот некоторые общие темы и мотивы, связанные с гастрономией на советских плакатах:

1. Пропаганда здорового питания.

На многих плакатах подчеркивалась важность правильного и полезного питания для здоровья нации. Были распространены изображения фруктов, овощей, молочных и других полезных продуктов (рисунок 3, а).

2. Поддержка сельского хозяйства.

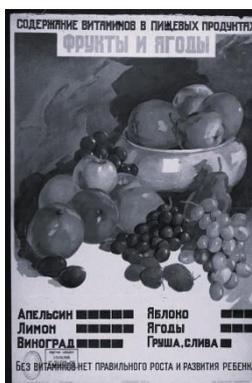
Сельское хозяйство играло ключевую роль в снабжении страны продовольствием, поэтому на плакатах часто присутствовали изображения крестьян, работающих на полях или собирающих урожай (рисунок 3, б).

3. Патриотизм через гастрономию.

На некоторых плакатах гастрономия была связана с патриотизмом и любовью к родной стране, например, через призыв использовать отечественные продукты (рисунок 3, в).

4. Общественное питание.

Пропагандировалось посещение столовых, общественных кухонь и других мест общественного питания, где можно было получить доступное и качественное питание (рисунок 3, г).

а

б

в

г

Рисунок 3 – Гастрономические плакаты:
а) «Содержание витаминов в пищевых продуктах», б) «Создадим в нашей стране изобилие мяса, молока, масла!», в) «Морс», г) «Развернем строительство в столовых!»

Гастрономия на советских плакатах часто служила не только для привлечения внимания к вопросам питания, но и для формирования определенных ценностей и поведенческих стереотипов в обществе [5].

Молодежь на советских плакатах часто изображалась активным участником общественной жизни, строительства социализма и защитником родины. Молодые люди символизировали будущее советского общества и были призваны вдохновлять других граждан на труд, патриотизм и коллективные усилия.

На плакатах молодежь часто изображалась в различных сферах деятельности – от участия в спортивных мероприятиях и трудовых коллективах до участия в культурной жизни и образовании. Молодые люди на плакатах были представлены как энергичные, оптимистичные и готовые принимать вызовы времени.

Кроме того, молодежь на советских плакатах часто ассоциировалась с новыми идеями, инновациями и передовыми технологиями. Изображения молодежи на плакатах служили для мотивации других граждан к активному участию в общественной жизни и достижению общих целей (рисунок 4).

а

б

Рисунок 4 – Молодежь на советских плакатах:
а) «За мир! За жизнь! За счастье!», б) «Молодежь, в поход за знания!»

Таким образом, молодежь на советских плакатах играла важную роль в формировании образа советского общества, его ценностей и идеалов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Морализаторские агитационные плакаты СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://deziign.ru/project/58866297269b459c9e4466343c320588?ysclid=lujzy84sz3966694190>. – Дата доступа: 25.03.2024.

2. Антиалкогольные плакаты в СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://deziign.ru/project/3a6f8de7efbe4e1cbd94f94540842cd6?ysclid=lxualwq0b3332298621>. – Дата доступа: 27.03.2024.

3. Советский алкоголизм. Антиалкогольные плакаты и кампании Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dzen.ru/a/YVDRqL2LuylyYJjP>. – Дата доступа: 27.03.2024.

4. Как в 20–30-е годы в стране боролись с хулиганами? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dzen.ru/a/ZDwsfbCe90xdy1jL>. – Дата доступа: 27.03.2024.

5. Пропаганда еды: советские плакаты о продуктах питания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://diletant.media/articles/25968694/?ysclid=luk0gspfrz739051566>. – Дата доступа: 02.04.2024.

УДК 94(41/99)

С. Д. МАЦУКЕВИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Е. С. Розенблат, канд. ист. наук, доцент

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: ПРИЧИНЫ НАПАДЕНИЯ ГЕРМАНИИ НА ПОЛЬШУ В 1939 ГОДУ

На сегодняшний момент в научной литературе уделено достаточно внимания причинам начала Второй мировой войны. Вместе с тем с учетом опыта геополитического взаимодействия стран интерес вызывает вопрос, была ли возможность у стран избежать вооруженного конфликта. В ходе изучения и проведенного анализа письменных источников выявлены две основные и противоречивые позиции, сформировавшиеся среди историков и политологов по данному вопросу.

Сторонники первой позиции говорят о том, что война была неизбежна. В основном такой позиции придерживаются современные российские и польские историки, например доктор исторических наук В. А. Космач в своей статье «Причины и начало Второй мировой войны: некоторые уточнения и переоценки» [1]. Автор делает упор на немецкий план «натиска на Восток» и на политику западных государств. О неотвратимости нападения Германии на Польшу также говорит польский доктор исторических наук, профессор Эугениуш Дурачински в своей статье «Германия Гитлера и Россия Сталина в польской политике (некоторые вопросы)» [2] и кандидат исторических наук А. П. Сальков в своей работе «Национально-территориальные конфликты в центральной и юго-восточной Европе (1938–1949 гг.) в новейших публикациях архивных документов» [3]. Еще одним польским историком, поддерживающим идею неизбежности войны, является доктор исторических наук Мацей Коркуць, который пишет об этом в своей книге «Борющаяся Речь Посполитая Польша 1939–1945» [4].

Вторая группа исследователей, представленная советскими историками, считает, что военного столкновения можно было избежать при выполнении Польшей некоторых требований со стороны Германии. Так, в третьем томе трехтомного издания «История Польши» [5] под редакцией Ф. Г. Зуева, А. Я. Манусевича и И. А. Хренова говорится о том, что Польша могла сохраниться в вассальном по отношению к Германии состоянии при условии некоторых территориальных уступок. Возможность такого разрешения противоречий между странами упоминается и в книге «Восточная Европа между Гитлером и Сталиным» [6] под редакцией В. К. Волкова и Л. Я. Гибианского.

В свою очередь, полярность взглядов ученых вызвала интерес к более детальному исследованию причин, по которым Германия могла пойти на военную агрессию в отношении Польши. В ходе исследования выявлено несколько таких причин. Рассмотрим каждую из них подробнее.

Польско-германские отношения в межвоенный период выстраивались исходя из существовавшей на тот момент Версальско-Вашингтонской системы международных отношений. Польша появилась после окончания Первой мировой войны на территориях, ранее подконтрольных Российской, Германской и Австро-Венгерской империям. Это вызывало определенные споры Варшавы с Берлином и Москвой на почве территориальных претензий, что в последующем мешало государствам вести диалог [2, с. 369–370].

Особенно острые споры были между поляками и немцами за польский коридор, отделявший восточную Пруссию от Померании, и за портовый город Данциг

на побережье Балтийского моря. Несмотря на то, что Германия и Польша в подписанном в январе 1934 г. договоре о ненападении отказывались от решения территориальных претензий друг к другу военным методом, это не означало исчезновения вопросов как таковых, а скорее откладывало их решение на потом. В итоге немцы выдвинули предложение о строительстве на территории польского коридора экстерриториальных дорог и передаче им г. Данцига, в котором большинство населения составляли немцы. Польша ответила отказом, дав немцам еще один повод для начала боевых действий [6, с. 112–113; 2, с. 369–370].

В целом немцев на западных землях Польши было достаточно много. По переписи 1931 г., в стране проживало 740 992 немца [7]. Территориально они концентрировались в основном в таких городах, как Данциг, Познань и Торунь. В Берлине прорабатывались планы по обмену этих территорий на части Литвы или Украины, которые поляки считали своими историческими землями, но в конечном итоге германское руководство отказалось от этих планов. Таким образом, вопрос с немецким национальным меньшинством в Польше оставался нерешенным, даже несмотря на подписанную 5 ноября 1937 г. рейхсминистром иностранных дел Германии Константином фон Нейратом и министром иностранных дел Польши Юзефом Липским Декларацию об отношении к национальным меньшинствам [6, с. 131–132; 2, с. 370–371].

Однако в планах Берлина была не только защита местного немецкого населения. По программе экспансии на восток предполагались изоляция или уничтожение польского населения и передача их земель немецким переселенцам. Но это было в далекой перспективе, а в первое время планировалось обеспечить прирост числа рабочих рук за счет населения Польши, достигшего тогда порядка 35 млн человек, что существенно бы увеличило число рабочих рук, задействованных в экономике Германии [4, с. 7–12].

Немцы также рассчитывали на получение польского сырья, особенно обширных запасов угля и сельскохозяйственной продукции. И в целом им удалось договориться о поставке польского сырья на выгодных для себя условиях, но в перспективе все же планировалось полное подчинение польской экономики немецким интересам [5, с. 375; 8, с. 133].

Кроме экономической заинтересованности, у немцев была еще и геополитическая заинтересованность в территории Польши. Германия готовилась к войне с Советским Союзом, но между немцами и их будущим противником не было общей границы, так как между ними располагалось польское государство. В 1934–1935 гг. активно обсуждалась идея общего немецко-польского похода на Восток. Об этом даже в открытую заявляли высшие должностные лица Германии, к примеру председатель рейхстага Герман Геринг в разговоре с Пилсудским во время визита в Польшу в 1935 г. Однако после смерти Пилсудского в мае 1935 г. планы о совместном походе были пересмотрены, и Польша рассматривалась Германией в большей степени как плацдарм для будущей войны с СССР [5, с. 373; 4, с. 10–12].

В то время как Варшава не раз давала понять о возможности смены своего геополитического вектора, немцам было необходимо решить вопрос о безопасности восточной границы. Своими основными противниками Гитлер считал Францию и СССР. Поляки же заключили с французами союз еще в 1921 г. и продолжали тесное экономическое сотрудничество вплоть до начала Второй мировой войны, а с Советским Союзом в 1932 г. был подписан договор о ненападении, продленный в феврале 1934 г. во время визита в Москву министра иностранных дел Польши Юзефа Бека [2, с. 370–371; 5, с. 374; 6, с. 79–80].

Все отмеченные причины нападения Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. можно разделить на следующие группы:

- территориальная;
- этническая;
- идеологическая;
- экономическая;
- геополитическая;
- военно-стратегическая.

Подводя итог, отметим, что шансы мирного урегулирования немецко-польских противоречий изначально были невелики. Германия могла допустить существование польского государства только в вассальном по отношению к Германии виде, на что поляки не могли согласиться. И если до раздела Чехословакии государственные лица действительно обсуждали планы совместного похода на Восток, то после участия Польши в Венском арбитраже и отказа с ее стороны выполнять требования немцев относительно Данцига и «польского коридора» такие планы перестали обсуждаться на межгосударственном уровне. Исходя из вышеперечисленных фактов, можно сделать вывод, что оккупация польского государства была куда более вероятна, чем сохранение государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Космач, В. А. Причины и начало Второй мировой войны: некоторые уточнения и переоценки / В. А. Космач // *Метаморфозы истории*. – 2016. – № 8. – С. 211–230.
2. Дурачински, Э. Германия Гитлера и Россия Сталина в польской политике (некоторые вопросы) / Э. Дурачински // *Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. : сб. ст. / Рос. акад наук, Ин-т славяноведения, Смолен. гос. пед. ун-т ; отв. ред. Б. В. Носов, Ю. В. Ивонин*. – М. : Индрик, 2002. – С. 369–388.
3. Сальков, А. П. Национально-территориальные конфликты в центральной и юго-восточной Европе (1938–1949 гг.) в новейших публикациях архивных документов / А. П. Сальков // *Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны*. Вып. 2 / рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2005. – С. 207–221.
4. Коркуць, М. Борюцца Речь Посполітая Польша 1939–1945 / М. Коркуць. – Краков : Ин-т нац. памяти – Комис. по расследованию преступлений против пол. народа, 2019. – 144 с.
5. История Польши. В 3 т. Т. 3 / под ред. Ф. Г. Зуева, А. Я. Манусевича, И. А. Хренова. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – 667 с.
6. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. / отв. ред. В. К. Волков, Л. Я. Гибианский. – М. : Индрик, 1999. – 528 с.
7. *Drugi Spis Powszechny 1931 Seria C zeszyt 94a [Dokument elektroniczny]*. – Tryb dostępu: https://statlibr.stat.gov.pl/exlibris/aleph/a22_1/apache_media/VUNVGMLANSCQQFGYHCN3VDLK12A9U5.pdf. – Data wejścia: 01.04.2024.
8. Рыбас, С. Ю. «Взломать двери держав» / С. Ю. Рыбас // *Международ. жизнь*. – 2019. – № 8. – С. 132–137.

УДК 94:79-053.2«18»:929

Д. С. ПОПЕЛ

Гомель, ГГУ имени Ф. Скорины

Научный руководитель – В. В. Цацарин, старший преподаватель.

ИССЛЕДОВАНИЯ Е. Р. РОМАНОВА ДЕТСКИХ ИГР

Детские игры являются немаловажным объектом изучения этнографов, ведь благодаря им можно представить примерный образ мышления детей того времени, их мировоззрение. Также не стоит забывать, что иногда игры могут отражать убеждения, существовавшие раньше, и при подробном изучении игр становятся понятны многие устойчивые выражения, значения которых современные участники могут и не знать. При сравнении известных сегодня каждому ребенку детских игр есть возможность проследить развитие игры и то, как в нее играли ранее. Описанием детских забав на территории современной Беларуси в XIX в. занималось всего два человека – П. В. Шейн и Е. Р. Романов.

Е. Р. Романов при сборе материала для исследования данной тематики воспользовался своими воспоминаниями из детства, а также во время поездок по городам и селам просил рассказать правила самих участников таких забав и людей, связанными с ними: детей, учителей, детей некоторых начальных училищ [1, с. 553].

Также к своему описанию Е. Р. Романов добавляет описания игр, сделанные учителем Хоновского училища М. Онуфриевым при наблюдении за своими подопечными. Описания за авторством М. Онуфриева присутствуют в сокращенном варианте в последнем выпуске «Белорусского сборника», а также в полном объеме в виде статьи в «Могилёвской старине» [2, с. 93–94].

Многие из игр, описанных Е. Р. Романовым, имеют свои региональные особенности. Например, в Чериковском уезде играли в жмурки: играющие считаются или меряются на палке, и на кого падет последнее слово счета или кто возьмет верх палки, тому завязывают глаза, и он начинает поиск бегущих по дому детей. В Гомельском уезде такая же игра называлась «В кота». Суть ее сводилась к ловле детей вслепую, но в отличие от прошлого варианта она имела сюжет. По нему, выбрав «кота» считалочкой, все дети вели его к порогу двери. Когда «кот» брался за ручку, сопровождавшие его дети начинали задавать вопросы, которые сводились к тому, что кот отказывался делиться медом, за что его все били в спину под песенку «Апанас, Апанас, твоя жонка у нас увалилась у квас. Лови семь лет нас», после чего игра начиналась. Данные игры имеют общий аналог уже уличной забавы под названием «В слепца», суть которой не менялась, за исключением объекта поиска. В данном случае им выступала шапка участников, которая кидалась в одну сторону через слепца. Также следует отметить, что существовали жмурки, которые сохранились и по сегодняшний день с неизменившимися правилами, только уже под общим названием «Прятки». По правилам данной игры нужно было выбрать жмурку, который должен зачурить одного из спрятавшихся, в то время как те стараются стать на место, где стоял жмурка и «заплеваться», т. е. плюнуть там.

В ряде игр присутствует национальность, например игра «В жид», у которой есть современный аналог догонялок или же кича. Согласно правилам, выбранный считалочкой игрок считается жидом, и все от него убегают, а его задача – «зарезать» убегающего, т. е. провести рукой по горлу. Есть игра с участием цыган в качестве игровой роли. К такой относится «В короля», а именно вариант из Быховского уезда, в котором

были роли короля, цыгана, мужика, жида, старосты. Сами роли выпадали случайным образом – бросками разрезанной на четыре части палки, и тех, кому выпадала роль жида и цыгана, били жгутом по руке. Была в Гомельском уезде и другая версия данной игры под тем же названием, но правила разительно отличались, и была она своего рода постановочной сценкой. В шапку клались записки со следующими ролями: судья, вор, победный человек и кат. После распределения ролей судья вызывал победного человека, спрашивая, кто обокрал его, а задача – угадать, кто являлся вором. В случае угадывания кат бил вора жгутом так сильно, как прикажет судья, но в случае указания не на того били за «вранье» победного человека по тем же правилам.

Игра «Камушки» заимствована у еврейских детей. В «камушки» играли преимущественно девочки, вдвоем или втроем. Берется пять камушков, и каждая из играющих проделывает с ними 5–6 фигур. Если она на какой-нибудь фигуре ошибется, играть начнет следующая. Одна из фигур – «Одинки». Один камушек берется в руку, а остальные четыре раскладываются поодиночке на земле в виде квадрата. Находившийся в руке камушек подбрасывается вверх, и играющая должна подобрать с земли один камушек и подкинутый. Игра продолжается, пока все камушки с земли не будут собраны. Затем следует фигура под названием «Двонки»: четыре камушка располагаются попарно и так же собираются. Далее идут «Тронки»: камушки кладутся в две кучки – три в одну и одна во второй – и так же подбираются при подбрасывании пятого камушка. Четвертой является «Ступа», в которой все четыре камушка кладутся вместе и сразу подбираются. Заключительной фигурой являются «Конь», во время которых нужно подбросить все камушки, при этом словить их обратной стороной руки и в заключение снова подкинуть и словить уже обычным хватом.

Назовем имеющую огромное количество вариаций игру «Редька», в некоторых версиях – «Репка». Вариации в основном отличаются лишь началом сюжета. В одном случае пани родила ребенка, и им необходима редька, во втором – свиньи проголодались, и их нужно покормить. В роли редьки выступают дети, которые не были выбраны на роль ведущего. Они садятся на землю, крепко держась друг за дружку, и задача ведущего – по очереди вырывать детей до тех пор, пока не будут собраны все.

Отдельно выделим игру, которая была распространена в Витебском уезде. Фактически она ничем не отличается от игр в репку, за исключением того, что в ней дед может звать к себе на помощь ребят, которых он вырвал из репки. Данное добавление напоминает популярную сказку про репку, которую тянули большим количеством людей и не только.

Помимо правил игр, Е. Р. Романов указал также и различные игрушки, которые использовались для детских забав. Одной из самых популярных игрушек является волчок, кружолка, или же дрейдл, которые изготавливались чаще всего из дерева, но могли использоваться в качестве материала и овощи (картофель, репа, луковица и т. д.), правда, как отметил и сам Е. Р. Романов, происходило это редко ввиду сложности изготовления кляча для их пускания. Была еще кутелка (любой деревянный кружок, дно от ведра или бочки), которую палкой подгоняли друг к другу, кожаный или же тряпичный мячик, который набивался резиновыми полосками от старой калоши. Также дети могли делать кресты из восьми лучин, которые складывались сперва в виде буквы Ж, потом вверху и внизу клались горизонтальные лучины, а затем всовывались по сторонам и в середину дополнительные, тем самым образуя своеобразный крест, после чего дети начинали петь «Господи, помилуй!» и т. п. и устраивали шествие с ними по дому.

В качестве редкой игрушки встречается «пильщик». Это кусок толстой доски с вырезанным подобием головы, рук и ног. Ноги отделяются одна от другой вырезом, сквозь который продевается плоская палочка. Внизу ноги соединяются деревянным гвоздиком, который не позволяет фигурке упасть. Когда качнуть пильщика вперед, он дотронется внизу ногами до особого выступа и откачнется назад, оттуда по той же схеме обратно.

Что примечательно, качели – обычное развлечение детей в сегодняшние дни – раньше имели ритуальное значение и назывались рели. 9 марта, в День сорока мучеников и астрономического наступления весны, качели устанавливались не только для детей, но и для взрослых парней и девушек. Для детей – чтобы выше росли, для парней и девушек – чтобы легкой была работа.

В некоторых местностях Могилевской губернии сохранялся древний обычай, который уже тогда являлся вымирающим. Прокачавшись с песнями на качелях вечером, девушки встают на заре и гонят «с собою» коров в поле «на ранки». Пасут их до 10–11 часов и потом гонят домой. После полудня таких же коров уже прогоняют «в пастух» [1, с. 593].

В вышеописанных играх проявляются некоторые стереотипы, связанные с реалиями прошлого. К примеру, в игре «В короля» дети часто прибегали к одному и тому же наказанию, а именно к ударам розгами. Это значит, что дети либо сами были свидетелями данного процесса, либо слышали об этом от других. Также в данной игре неспроста, видимо, фигурируют такие игровые роли, как жид и цыган, которые в любом случае являлись виноватыми в каких-либо преступлениях, что скорее всего связано со стереотипным мышлением, основанным на ассоциациях.

Для игры «В жида» следует отметить возможный перенос игрового приема «зарезать» из других, подобных по своей сути игр, в которых фигурируют разбойники, в связи с чем данный прием является скорее всего заимствованным ввиду ассоциаций с другими вариантами догонялок.

Подводя итог, следует отметить частое проявление в играх сюжетов, которые перекликаются со сказками (как в случае с играми про репку), явно имеющими большое значение во нравоучительном контексте и оказывающими влияние на мировоззрение детей. Помимо этого, Е. Р. Романов выделял во многих играх роль мамы или няни, которую получали в ходе жеребьевки, т. е. дети примеряли на себя роль взрослых.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Романов, Е. Р. Белорусский сборник. Вып. VIII. Быт белоруса / Е. Р. Романов. – Вильно : Тип. А. Г. Сыркина, 1912. – 600 с.

2. Могилевская старина : сб. ст. «Могилев. губерн. ведомостей». Вып. 3. Годы 1902–1903 / под ред. Е. Р. Романова. – Могилёв : Тип. губерн. правления, 1903. – 127 с.

УДК 94(476)1939/1944

А. А. САРАПИН

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Е. С. Розенблат, канд. ист. наук, доцент

«ВОСТОЧНИКИ» В ИСТОРИОГРАФИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ 1939–1944 ГОДОВ

Социальная группа «восточников» – это граждане СССР и БССР, командированные на территорию Западной Беларуси и Западной Украины после 17 сентября 1939 г. Они являлись привилегированной прослойкой общества на присоединенных территориях, так как занимали большинство рабочих мест в государственном аппарате (облисполком, горисполком), в органах НКВД, УНКГБ, милиции, армии, в структуре железнодорожного транспорта, медицине, образовании, связи и в ряде других сфер. «Восточники» являлись рупором политики советизации на территориях Западной Беларуси и Украины. Они выполняли план ВКП(б) по интеграции местного населения в ряды советского общества, создавали учебные заведения, больницы, занимались коллективизацией и индустриализацией, также уничтожали очаги сопротивления и инакомыслия в среде польской интеллигенции и буржуазии. Многие командированные были рабочими заводов, пекарен, специалистами в сельском хозяйстве, архитекторами, строителями. Из-за того, что советская власть не доверяла местным, она пыталась в некоторых отраслях разбавить их, а в некоторых полностью заместить [1, с. 82].

Также к «восточникам» относились семьи, прибывшие вслед за переселенцами [2, с. 8]. Большинство семей были крупными – по 4–5 детей в среднем [3, с. 162]. Гарнизоны солдат-срочников не считались населением города, поэтому в состав «восточников» их включать нельзя, так как одни из них были местными новобранцами, другие – выходцами из СССР, которые по окончании несения службы возвращались на родину [4, с. 13].

Национальный состав «восточников» разнообразен. Процентное количество отличалось. На примере списка членов ВКП(б) и комсомольцев числом 1786 человек рассмотрим национальный состав прибывших. Большинство из командированных на данную территорию были русские – 46 %, белорусы – 29 %, евреи – 11 %, украинцы – 8 %, чуваша, поляки, немцы, армяне, греки, татары, латыши, литовцы, караимы – 6 % от общего числа прибывших [5, с. 66].

В период советской власти к «восточникам» относились по-разному. Это зависело от ряда причин, среди которых:

1. Национальность и положение в обществе местного жителя. Так как от прихода советской власти наиболее пострадали имущие слои населения, польские осадники, работники военных и административных ведомств (в основном поляки), они со злобой принимали командированных из СССР и БССР из-за утраты своего социального, политического и экономического положения. Местные белорусы первоначально не ощутили кардинальных изменений и в большинстве своем относились нейтрально. Позитивно воспринимали воссоединение с БССР городская и сельская беднота и малоимущая часть еврейского населения [6, с. 82].

2. Личные взаимоотношения, бытовые конфликты и расхождения на почве религии, идеологии.

3. Знание языков. Характерно «восточникам», присланным из СССР и не понимающим ни белорусского, ни украинского, ни польского, ни идиша [6, с. 84].

С первых дней немецкой оккупации на территории Западной Беларуси начались массовые репрессии «восточников», как социально опасных элементов, со стороны которых возможно оказание сопротивления оккупационной системе и создание подполья в городе [7, с. 22]. Для предотвращения этого немцы уничтожили большинство высшей партийной номенклатуры, находившейся на территории оккупированной Западной Беларуси и Украины в первые дни войны. После организации сети гестапо репрессии и карательные меры против «граждан СССР» проводились регулярно [1, с. 89].

Пиком стало создание специальных пунктов проживания «советских» (sowieten), более напоминающих «гетто». В Бресте оно существовало с 12 августа 1943 г. по 13 марта 1944 г. [8, с. 220]. «Восточники» активно участвовали в подполье и партизанской борьбе, несмотря на все предупредительные меры немецкого руководства [7, с. 328], но это не спасло их от массового уничтожения. До конца войны выжили немногие, еще меньше осталось в Западной Беларуси и не было угнано в Германию, единицы остались в крупных городах и пунктах дожидаться спасения от Советской армии [8, с. 224].

Несмотря на это, «восточники» являлись активными участниками сопротивления. Под руководством П. Г. Жуликова, М. М. Жигимонта, Б. С. Дзэбиева, Р. С. Радкевич, А. Самыченко, С. Н. Антошина и мн. др. (все перечисленные граждане командированы в Западную Беларусь после 17 сентября 1939 г.) был создан подпольный горком КПБ(б) [7, с. 24]. Позже он был уничтожен в связи с действиями эмиссаров полиции СД Виктора Леонтьева и Гертруду Вагнер [7, с. 206].

Рассмотрим историографическое подтверждение вышеописанного. Историография – это совокупность исследований в области истории, посвященных определенной теме. История изучения социальной группы «восточников» начинается с Анны Афанасьевны Гребенкиной. Ее работы «Живая боль» [2, с. 3] и «Брест непокоренный» [7, с. 5] – это собрания устных и архивных данных о первых днях войны и о дальнейшей оккупации. В них описана работа Брестского подполья, состоявшего из бывших членов партии и комсомольцев, командированных в Западную Беларусь. Также описано взаимодействие местного населения и «восточников», деятельность партизанских соединений, располагавшихся в Брестском районе, члены которых были военнослужащими, командирами, присланными до войны в Беларусь со всего СССР. Большое внимание Анна Афанасьевна уделила детям, находящимся в детских домах Бреста, их судьбе и положению в годы оккупации города [2, с. 112]. Основной упор в ее работах делается на сопротивление жителей нацистскому режиму. Писала она и об ответных мерах немцев по отношению к подполью и партизанам, о зверствах, убийствах, пытках [7, с. 34].

Достаточно широко раскрытая тема охватывает лишь часть периода существования «восточников» – с начала войны по освобождение города. В работах раскрывается тема «восточников» не как отдельной группы, а лишь как части населения непокоренного Бреста [7, с. 74]. Из-за этого многие вопросы не были затронуты, например: появление «восточников», численность, положение до войны и мн. др.

Вклад в изучение деятельности «восточников» в первые дни войны внес Игорь Викторович Кез. В работе «Противостояние: Западная Белоруссия. Управление НКВД» он затрагивает деятельность НКГБ и НКВД в первые и последующие дни Великой Отечественной войны, с раскрытием и разбором личностей «восточников», их судеб. Автор приводит конкретные примеры и доводы, как спасались «восточники» от оккупации, куда делись документы по командированным и что уцелело [4, с. 199].

Смежным с темой «восточников» является кандидатское исследование Янины Валерьевны Карпенкиной «Советизация еврейского населения Западной Белоруссии».

В диссертации рассматривается период прихода советской власти на территорию Белостокской области, роль евреев в распространении коммунистического режима на этой территории. Я. В. Карпенкина выделяла «восточников» и привела ряд исторических документов о командировании жителей БССР и СССР на территорию Западной Беларуси, сделала обзор документов о конфликтах на местах между местными самовыдвиженцами и новоприбывшими, а также опубликовала демографическую статистику «восточников» на территории Белостока [6, с. 80].

Польский историк Даниэль Бочковский в научной публикации «Советская власть в отношении поляков, евреев и белорусов в Белостокском крае 1939–1941 гг. в свете партийных документов» выделял проблему «восточников» как доминирующей социальной группы, заменившей национальную интеллигенцию Западной Беларуси и выступающей в роли идеолога советизации. По его мнению, во время оккупации это привело к ненависти польского населения к *sowieci*, видевшего в них «пособников режима» и проецирующего на них вину за уничтожение польских осадников и остатков воинских формирований Польши, что повлекло наказание за «поведение в период советской оккупации» при молчаливом согласии немцев на этапе формирования оккупационного режима 1941–1942 гг. [9, с. 16].

Книги «Память», в которых содержатся статьи о командированных гражданах СССР и об их положении в годы войны, приводят примеры героизма, уничтожения «восточников». Но это точечная информация, рассредоточенная по статьям разных авторов-составителей, не дающая понимания последовательности событий истории существования социальной группы в период с 1939 по 1944 г. [1, с. 33].

Сборники документов «Брест в 1939–1941 гг.» [10, с. 15] и «Брест в 1941–1944 гг.» [8, с. 12] предоставляют информацию о демографических, налоговых, отчетных и других видах документации на польском, немецком, украинском и русском (в переводе) языках.

Архивные документы рассматривались и в оригинале. В Государственном архиве Брестской области содержатся статистические и административные документы периода 1939–1944 гг. Это списки командированных членов, кандидатов в партию и комсомол, это документы о распределении, отчеты о количестве прибывших с предприятий, это немецкие переписи в годы оккупации, документы о системе контроля и проведении операций против «восточников» [11, с. 27].

Много источников еще не найдено и не раскрыто. Важность данной темы в том, что в отличие от темы геноцида всего белорусского народа и евреев она практически не изучалась. Так как после Великой Отечественной войны руководство СССР больше не делило население на «западников» и «восточников», стараясь подготавливать и допускать во властные, армейские и узкоспециализированные структуры местных жителей, появились новые проблемы и новые категории, такие как коллаборанты, пособники, враги народа и т. д.

Трагедия войны сплотила белорусов, замылив культурную границу между разделенным народом. Пережив ужасы оккупации, люди на долгие годы вперед научились уважать и ценить друг друга. Многие из белорусов погибли на войне, утрата такого количества человеческого ресурса легла тяжким грузом на плечи выживших. В помощь для восстановления разрушенной республики были отправлены новые «восточники», но данная волна имела другой характер, нежели первая, и имела целью лишь помощь в возрождении разрушенной страны.

Социальная группа «восточников» просуществовала крайне недолгий период – с 1939 по 1945 г., но она помогала в установлении советской власти, создании

культурного, социального и материального базиса в Западной Беларуси, в том числе и в Бресте. Благодаря их работе была значительно уменьшена безграмотность местного населения, налажено транспортное сообщение, промышленность, здравоохранение и мн. др. Работа «восточников» в подполье помогла спасти сотни жизней советских коммунистов и их семей, военнопленных, евреев. В конце войны из-за сокращения «восточников» как минимум на 1/3 и постепенной ассимиляции они утратили свой статус, став частью белорусского народа.

Но необходимость выделения подтемы «восточников» в истории Западной Беларуси и Украины из всей истории геноцида советского народа в годы Великой Отечественной войны существует, так как отличались методы уничтожения, присутствовала специфика ликвидации по принадлежности к иной социальной группе. Соответственно, надобность в изучении данной проблематики имеется. «Феномен восточников» должен стать необходимым дополнением в изучении геноцида белорусского народа и особенностей оккупационного режима на территории Западной Беларуси и Украины в период с 1941 по 1944 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Брэсцкага раёна : у 2 т. / рэд. Г. К. Кісялёў. – Мінск : БелТА, 1998–2001. – 2 т.
2. Гребенкина, А. А. Живая боль. Женщины и дети Брестского гарнизона (1941–1944) / А. А. Гребенкина. – Минск : Беларусь, 2008. – 174 с.
3. Государственный архив Брестской области (далее – ГАБО). – Ф. 201. Оп. 1. Д. 413. Л. 3–162.
4. Кез, И. В. Противостояние: Западная Белоруссия. Управление НКВД (НКГБ) – МГБ БССР по Брестской, Пинской и Барановичской областям: 1939–1954 / И. В. Кез ; под общ. ред. С. С. Гладышева. – Брест : Альтернатива, 2019. – 284 с.
5. ГАБО. – Ф. 1-п. Оп. 1-б. Д. 11. Л. 8–66.
6. Карпенкина, Я. В. Советизация еврейского населения Западной Белоруссии (1939–1941 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Я. В. Карпенкина. – М., 2018. – 259 л.
7. Гребенкина, А. А. Брест непокоренный. Антифашистское подполье г. Бреста и Брестского района в годы Великой Отечественной войны (1941–1944) / А. А. Гребенкина. – Минск : БелЭН, 2005. – 328 с.
8. Брест в 1941–1944 гг. Оккупация: документы и материалы / сост. Г. Калустова, А. Карапузова, Е. Розенблат. – Брест : Альтернатива, 2016. – 316 с.
9. Bockowski, D. Władza radziecka wobec Polaków, Żydów i Białorusinów na Białostocczyźnie 1939–1941 w świetle dokumentów partyjnych [Dokument elektroniczny] / D. Bockowski. – Tryb dostępu: <https://repozytorium.uwb.edu.pl/jspui/handle/11320/14035/> – Data wejścia: 17.11.2022.
10. Брест в 1939–1941 гг.: документы и материалы / сост. А. Карапузова, Е. Розенблат. – Брест : Альтернатива, 2012. – 246 с.
11. ГАБО. – Ф. 201. Оп. 1. Д. 502. Л. 2–142.

УДК 93

С. А. ШАКУНОВА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – А. Ю. Бодак, канд. ист. наук, доцент

ЗАБОТА О ДЕТЯХ-СИРОТАХ КАК ОДНО ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ЗВЕНЬЕВ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Данная статья посвящена проблемам решения в Республике Беларусь одного из важнейших направлений в социальной политике – заботе о детях. В качестве примеров, подтверждающих основные мысли статьи, были использованы документы Государственного архива Брестской области, т. е. автор спроецировала решение данной проблемы на примере конкретного, но типичного в этом смысле региона Беларуси.

Приоритетными направлениями государственной социальной политики по улучшению положения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Республике Беларусь являются защита их прав и интересов, полноценная реабилитация, социализация и успешная интеграция в общество. В качестве одной из мер, позволяющих реализовать государственную политику, выступает развитие института замещающих семей. Отечественный и мировой опыт убедительно показывает, что гарантии благополучного будущего ребенка-сироты, выросшего в семье, значительно выше, чем воспитанного в учреждении.

Система социальной помощи нуждающимся детям берет свое начало в славянской духовности и менталитете белорусов, в особенностях их жизни и быта, усиленных и оформленных религиозными заповедями христианства. Необходимо учесть, что по территории Беларуси неоднократно прокатывались разрушительные войны, в которых погибало огромное количество населения, и, как следствие, проблема детей-сирот имеет очень прочные и давние корни.

До начала XX в. сиротами, как правило, занималась церковь – сиротские приюты. И в основном эта работа ложилась на лиц духовного звания либо светских людей, которые получили на эту деятельность санкции церкви. В начале XX в. на территории Беларуси появились новые типы приютов. В «поселковом приюте» в домиках с огородом и садом в деревне женщина-воспитательница заботилась о 15–25 детях. Общими для детского поселка были школа и мастерские [1].

Ближе к современным детским домам семейного типа можно отнести так называемую «искусственную семью». Как правило, женщина, которая отвечала за работу такого дома, имела статус «матери». После тщательного отбора представителями благотворительных организаций «мать» – одинокая женщина, простого звания, с хорошими личными качествами, с опытом работы в больнице или школе, – опекала от трех до пяти детей-сирот. В семейный бюджет включались средства на содержание от благотворительного общества, а также доход от работы на приусадебном участке. «Мать» заботилась о поддержании порядка в помещении, о питании и воспитании детей. Дети воспитывались до выхода в самостоятельную жизнь [1].

События Первой мировой, гражданской, советско-польской войн привели к появлению в Беларуси огромного количества детей-сирот. Мы не ставим перед собой задачу рассмотреть работу с этими детьми в Западной Беларуси. Данная территория до 1939 г. находилась в составе Польши и заслуживает отдельного исследования.

По информации исполнительного комитета Брестского городского Совета депутатов трудящихся, в 1949 в г. Бресте на патронате находился 31 ребенок. Дети обучались в школе и получали пособия, однако 25 из них не имели достаточного обеспечения одеждой и обувью и 9 из них проживали в плохих жилищных условиях. Было принято решение об усилении контроля за правильностью воспитания детей-сирот и сирот, находящихся на патронате в семьях трудящихся [2].

После Великой Отечественной войны к детям-сиротам относились как к жертвам войны. Детские дома принимали эвакуированных детей, детей воинов и партизан, детей репрессированных родителей. Возродилась благотворительность (хотя термин не употреблялся). Открывались специальные банковские счета и фонды, солдаты и офицеры перечисляли денежные средства детским домам, население передавало личные сбережения на нужды осиротевших детей. Постановление СНК СССР «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» (1942) вменяло государственным ведомствам, партийным, профсоюзным и комсомольским организациям проявление заботы о детях-сиротах. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усыновлении» (1943) упорядочил процедуру усыновления, опеки и попечительства.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»» (1944) предусматривалась выдача дополнительного продуктового пайка беременным женщинам и пособия (по беременности и родам, на рождение ребенка, одиноким матерям), учреждены социальные государственные награды: почетное звание «Мать-героиня», орден «Материнская слава», «Медаль материнства». Принят ряд других нормативных правовых документов по вопросам охраны материнства и детства, материального обеспечения семей с детьми, охраны здоровья подрастающего поколения: Положение о порядке назначения и выплаты пособий по государственному социальному страхованию (1955), Положение о порядке назначения и выплаты пособий беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям (1956), Указ Президиума Верховного Совета СССР «О размере государственного пособия многодетным и одиноким матерям» (1947) и др. [3].

На XXII съезде КПСС (1961) принята Программа КПСС, содержащая широкий комплекс мероприятий в области социальной защиты детства: дальнейшее развертывание сети детских учреждений; полное и бесплатное удовлетворение потребностей семей в детских учреждениях; массовое открытие сети школ-интернатов с бесплатным содержанием детей; введение в школах бесплатного питания, бесплатного снабжения учащихся школьной одеждой и учебными пособиями [3].

На рубеже 40–50 гг. XX в. стали определяться формы устройства детей и подростков, оставшихся без попечения родителей. В качестве примера такой работы можно привести данные Государственного архива Брестской области, в которых ежегодно фиксировались факты работы с сиротами. Так, например в 1953 г. в г. Бресте выявлено и устроено в детский дом 32 ребенка, под опеку – 12, патронируемых – 9, усыновленных – 4 [4].

Акты обследования материального положения граждан, определяющих детей в детские учреждения, свидетельствуют о крайне тяжелых материальных и жилищных условиях семей с детьми. В комнате 10 км² без кухни могли проживать трое маленьких детей с одинокой мамой и минимальной денежной суммой. Государственные органы

на основании актов обследования материального положения принимали решение об изъятии детей. В некоторых случаях передача детей на государственное обеспечение была добровольной [5].

Стоит обратить внимание, что при передаче ребенка на воспитание в семью в договоре предусматривались основные обязательства матери: относиться к ребенку как родная мать; следить за ее/его поведением; обучать в школе; одевать, кормить; воспитывать в ней/нем любовь к труду, чистоте, культуре и вежливости; воспитывать в ней/нем патриотизм и любовь к Родине, любовь к вождям и Героям Советского Союза.

В период становления независимой Беларуси после развала Советского Союза социальная работа с детьми развивалась медленно в связи с нестабильностью, недостатком средств, отсутствием механизма реализации принятых решений, несовершенством законодательства и т. д.

Данная ситуация в сфере социальной работы с детьми протекала в период нестабильности социально-экономической обстановки в обществе. Тем не менее местные власти в сложной ситуации конца 80-х – начала 90-х гг. не оставляли без внимания эту проблему. Так, исполнительный комитет Ленинского районного Совета депутатов г. Бреста 28 мая 1991 г. обратился к республиканским властям с обращением: «считаем необходимым в первую очередь создание единой законодательной базы, предусматривающей стимулы для благотворительной деятельности, которая должна проводиться под контролем общественности и широко освещаться в средствах массовой информации».

Интересно отметить определенную работу отделов народного образования властных структур Бреста по охране прав детства в 1991 г. Над всеми детьми, оставшимися без попечения родителей, установлены опека и попечительство, либо дети определены в интернатные учреждения. Несовершеннолетние, благодаря помощи предприятий г. Бреста, были застрахованы к совершеннолетию, за ними закреплялись жилплощади, также всем нуждающимся детям ежегодно оказывалась денежная помощь, они были обеспечены бесплатным питанием [6].

Положительно изменилась обстановка по решению проблем усыновления (удочерения) детей: в 1989–1991 гг. не было направления детей в интернатные учреждения, за исключением грудных детей с синдромом Дауна.

Анализ документов архива Брестской области позволяет с уверенностью сказать, что, невзирая на трудные условия, эта деятельность проводилась регулярно. На каждом заседании районных исполкомов обязательно рассматривался вопрос либо об усыновлении (удочерении) детей, либо об определении детей-инвалидов.

Ежегодно проводились встречи районного и городского руководства с детьми-сиротами, с детьми, отцы которых погибли в Афганистане, их опекунами и матерями. Организовывались посещения детей-инвалидов, им вручали сувениры, подарки.

В дошкольных учреждениях образования Брестского района было открыто 14 специальных групп для детей с недостатками в физическом развитии (слуха, зрения, речи). В г. Бресте функционировал детский сад № 7 для детей с недостатками в умственном развитии и классы для детей с задержкой психического развития при ГУО «СШ № 13» [7].

Однако существовали недостатки в работе органов образования Брестской области. Сложности возникали с трудоустройством воспитанников и в получении ими специальности, также требовалось расширение сети школ и дошкольных учреждений для обучения и воспитания детей с умственными и физическими недостатками [7].

С целью повышения ответственности родителей и улучшения материального положения детей Министерством образования Республики Беларусь по согласованию с Министерством финансов в 1997 г. была утверждена Инструкция о порядке возмещения расходов на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении. Согласно этой Инструкции, в Пинской, Ястребельской, Дивинской школах-интернатах для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, Молчадской школе-интернате и Кобринской детской деревне должны были организовать работу по частичному возмещению расходов по содержанию детей с родителями или лиц, их заменяющих.

Принимались меры по своевременному поступлению родительской платы, ежемесячному контролю поступления этих средств, а также в отдельных случаях осуществлялся ежеквартальный контроль возникавшей задолженности. Отдел охраны детства и дошкольных учреждений управления в установленном порядке решал вопросы о снижении или освобождении от родительской платы [8].

Регулярно проводились проверки учебно-воспитательного процесса в общеобразовательных школах-интернатах. В состав областных комиссий включались работники отдела образования, охраны детства, а также опытные учителя русского языка и литературы, начальных классов, математики, иностранных языков местной общеобразовательной школы, что говорит о попытках комплексного контроля образовательного процесса. По итогам проверки комиссия готовила материалы о состоянии учебно-воспитательного процесса в школе-интернате для рассмотрения на коллегии управления образования [9].

Таким образом, работа государства по защите детей сирот и инвалидов была и остается системной, определяющей основные приоритеты социальной политики Республики Беларусь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Григорьев, А. Д. История отечественной социальной работы (X – начало XX в.) [Электронный ресурс] : пособие для специальности «Соц. педагогика» / А. Д. Григорьев. – Режим доступа: <https://studbooks.net/1848584/pedagogika/zaklyuchenie>. – Дата доступа: 20.03.2024.
2. Государственный архив Брестской области (далее – ГАБО). – Ф. 727. Оп. 1. Д. 44. Л. 15.
3. Русецкая, А. М. Социально-педагогическая работа с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей [Электронный ресурс] / А. М. Русецкая. – Режим доступа: <https://bspu.by/blog/ryseckaya/article/lection/social-no-pedagogicheskaya-rabota-s-det-mi-sirotami-i-det-mi-ostavshimisya-bez-popecheniya-roditelej-teoreticheskij-razdel-eumk>. – Дата доступа: 20.03.2024.
4. ГАБО. – Ф. 1033. Оп. 2. Д. 1717. Л. 58.
5. ГАБО. – Ф. 1033. Оп. 2. Д. 1717. Л. 59.
6. ГАБО. – Ф. 288. Оп. 1. Д. 412. Л. 14.
7. ГАБО. – Ф. 288. Оп. 1. Д. 412. Л. 15.
8. ГАБО. – Ф. 1041. Оп. 1. Д. 1196. Л. 90.
9. ГАБО. – Ф. 1041. Оп. 1. Д. 1171. Л. 73.